

ЭММАНУИЛ. СВЕДЕНБОРГ

Новый Иерусалим и его Небесное Учение.

О новом небе и новой земле, и о том, что подразумевается под Новым Иерусалимом.

1. В Апокалипсисе сказано:

"И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... И я, Иоанн, увидел святой град Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Город имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов, на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых ... Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца... Город расположен четверугольником и длина его такая же, как и ширина... Длина и ширина, и высота его равны. И Стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческой, какова мера и Ангела. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями... Двенадцать ворот - двенадцать жемчужин... Слава Божия осветила его и светильник его - Агнец... Спасенные племена будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою" (Гл. XXI, I. 2. 12 - 24).

Человек, читающий эти слова, понимает их не иначе, как согласно буквальному смыслу, а именно: что видимое небо должно погибнуть вместе с землей, что должно явиться новое небо, что на новую землю должен сойти святой град, Иерусалим и что он, в отношении к своим измерениям, будет согласен со сделанным описанием. Ангелы, однако, понимают это совершенно иначе, а именно: все частности они понимают духовно, тогда как человек, их понимает естественно; а что ангелы под этими частностями разумеют, то они и означают, то и есть внутренний или духовный смысл Слова.

Под "новым небом и новою землею" во внутреннем или духовном смысле, в котором находятся ангелы, разумеется Новая Церковь, как на небесах, так и на земле. (О церкви в обоих мирах будет речь в дальнейшем.) Под "градом Иерусалимом, сходящим от Бога с неба" разумеется его небесное учение; под "длиной, шириной и высотой, которые равны" разумеется все доброе и истинное этого учения в целом; под <стенами его> разумеется все истинное, охраняющее это учение; под "мерою стены во сто сорок четыре локтя, мерою человека, то есть ангела" разумеются все

охраняющие истины в совокупности, а, также их качество: под "двенадцатью жемчужными вратами" понимаются вводящие истины, подобное же под "двенадцатью ангелами на вратах": под "основаниями стены из всяких драгоценных камней" понимаются познания, на которых основывается это учение; под "двенадцатью коленами Израиля" понимается все принадлежащее церкви в общем и в частности; подобное же - под "двенадцатью Апостолами"; под "золотом, подобным чистому стеклу, из которого состоит город и улица", понимается доброе любви, делающее прозрачным учение с его истинами; под "спасенными племенами и царями земными, которые принесут в него славу и честь свою", понимаются все принадлежащие к Церкви, которые находятся в добром и истинном. Под "Богом и Агнцем" подразумевается Господь по отношению к Его Божественному и Божественно-Человеческому.

Таков духовный смысл Слова, которому естественный, то есть, буквальный смысл, служит основанием; все же оба смысла - духовный и естественный - образуют единство посредством соответствий. Здесь излишне указывать на то, что вышеупомянутое имеет именно такое духовное значение. Это, не будучи целью сего труда, показано в "Небесных Тайнах".

2. Прежде чем будет речь о Новом Иерусалиме и его учении, нечто будет сказано о новом небе и новой земле. В творении "О Страшном Суде и разрушенном Вавилоне" показано, что подразумевается под первым небом и первой землей, которые миновали. После их разрушения, итак, после Страшного Суда, Господом создано, то есть образовано, новое небо. Это небо образовано из тех, которые со времени пришествия Господа и до сего времени вели жизнь веры и благолюбия, потому что только эти обладают образом неба. Образ неба, согласно которому создаются все общества и сношения, есть образ Божественно-Истинного из Божественно-Доброго, которые исходят от Господа, при чем человек облекается в этот образ по духу своему чрез жизнь согласно Божественно - Истинному. Что чрез это создается образ неба, видно в творении "О небе и аде", а также, что все ангелы обладают образом неба. Из этого можно понять, из кого образовано новое небо, и, следовательно, каково оно, а именно, что оно вполне единомушно, ибо кто ведет жизнь веры и благолюбия, тот любит других, как самого себя, и чрез любовь связует их с собой, при этом взаимно и обоюдно, потому что в духовном мире любовь есть связь; поэтому, когда все действуют согласно, тогда из многих, даже из бесчисленного множества существ, соединенных между собой по образу неба, создается одно единомушное целое, как бы единое существо, ибо в нем нет ничего разлучающего и разделяющего, но все в нем связывает и соединяет.

3. Так как это небо образовано из всех людей, бывших таковыми со времен Господних до наших, то ясно, что оно состоит как из христиан, так, и из язычников, по большей же части из детей со всего земного шара, умерших со времен Господа; ибо все они были приняты Господом, воспитаны на небе, а также наставлены ангелами, и после сохранены для образования совместно с другими нового неба. Из этого можно заключить, сколь неизмеримо велико это небо. Что все, умирающие в детском возрасте, воспитываются на небе и становятся ангелами, видно из труда "О небе и аде".

4. Что же касается этого нового неба, то надобно знать, что оно отличается от древних небес, то есть от тех, которые существовали до пришествия Господа; все же они устроены так, что вместе образуют одно небо. Это новое небо отличается от древних небес, потому что в Древних Церквах не существовало другого учения кроме учения любви и благолюбия, при чем они ничего не знали об учении веры, отделенной от любви. Это служит причиной тому, что древние небеса образуют высшие пространства (expansa), тогда как новое небо образует пространство под ними, ибо небеса суть пространства одно над другим. В высших пространствах находятся те, которые называются небесными ангелами, большинство которых происходит из Древнейшей Церкви; они называются небесными ангелами по любви небесной, которая есть любовь к Господу. Находящиеся в пространстве под ними называются духовными ангелами, большинство их происходит из Древней Церкви; они называются духовными ангелами по любви духовной, которая есть любовь к ближнему. Под ними находятся ангелы, находящиеся в добре вере; - это те, которые вели жизнь веры. Жить жизнью веры, значит жить согласно учению своей Церкви, а жить - значит хотеть и делать. Все же все эти небеса образуют одно чрез посредственное и непосредственное втечение Господа. Более полное представление о сих небесах можно почерпнуть из, того, что сказано в труде "О небе и аде" и в частности в статье о двух царствах, на которые разделены небеса в общем, и в статье о трех небесах; о посредственном и непосредственном втечении в извлечениях из "Небесных Тайн", и о Древнейшей и Древней Церкви в кратком труде "О Страшном Суде и разрушенном Вавилоне".

5. Столько о новом небе, теперь следует сказать кое-что о новой земле. Под новой землей разумеется Новая Церковь на земле, потому что когда одна Церковь приходит к концу, Господом воздвигается новая. Господь заботится о том, чтобы на земле всегда существовала Церковь, ибо посредством Церкви создается связь Господа с родом человеческим, а также неба с миром, так как в ней познается Господь и в ней находятся Божественные истины, посредством которых человек связуется. Что ныне воздвигается Новая церковь, видно в творении "О Страшном Суде". Что новая земля означает Новую Церковь, явствует из духовного смысла

Слова, ибо в этом смысле под землей разумеется не какая либо земля, но ее население и его богослужение, ибо таково духовное значение слова земля. Кроме того, под словом земля, употребленном в Слове без прибавления наименования страны, разумеется земля Ханаанская, в которой Церковь существовала с древнейших времен, вследствие чего все местности ее и к ней прилегающие земли, с горами и реками, упомянутыми в Слове, стали прообразами и обозначениями предметов, являющихся внутренним Церкви, и которые именуются ее духовным. Отсюда вытекает следующее: так как в Слове под землею разумеется Церковь, ибо, как выше сказано, под ней подразумевается земля Ханаанская, то и здесь то же самое разумеется под новой землей, поэтому и в Церкви было принято выражение "Ханаан Небесный", подразумевая под ним небо. Что в духовном смысле Слова под землей Ханаанской должно разуметь Церковь, показано в разных местах в "Небесных Тайнах".

6. Кое-что следует также сказать о том, что в Слове разумеется под Иерусалимом в его духовном смысле. Под Иерусалимом разумеется сама Церковь в отношении к учению, и по той причине, что в Иерусалиме, в земле Ханаанской, а не в другом месте находились храм и жертвенник, и совершались жертвоприношения, следовательно, происходило само богослужение. По этой причине здесь праздновались ежегодно три праздника, на которые было повелено ходить каждому обитателю мужского пола этой земли. Отсюда проистекает то, что в духовном смысле под Иерусалимом разумеется Церковь в отношении к богослужению, или что то же самое, в отношении к учению, ибо богослужение предначертывается учением и учреждается согласно ему. Что сказано: "святой град Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба", происходит оттого, что под городом в духовном смысле Слова разумеется учение, а под Святым Градом учение Божественно - Истинного; ибо Божественно-Истинное есть то, что в Слове и называется святым. Он называется Новым Иерусалимом по той же причине, по которой земля называется новой, ибо, как выше сказано, земля означает Церковь, а Иерусалим - Церковь в отношении к учению. Что сказано "сходящий от Бога с неба", происходит оттого, что все Истинное Божественного, из которого происходит учение, нисходит с неба от Господа. Что под Иерусалимом не разумеется город, хотя виден был город, очевидно из сказанного, что "высота его была такова же, как длина и ширина, двенадцать тысяч стадий (стр. 16); что "мера стены его, сто сорок четыре локтя, была мерой человека, какова мера и ангела" (стр. 17); а также из сказанного, что он "был приготовлен как невеста, украшенная для мужа своего" (стр. 2); и что затем ангел сказал: "пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца... и показал мне великий город, святой Иерусалим" (ст. 9 - 10). Церковь есть то, что в Слове называется невестой и супругой Господа; невестой до сочетания, а супругой после сочетания.

7. Что касается в частности учения, которое следует в дальнейшем, то и оно происходит с неба, ибо почерпнуто из духовного смысла Слова; а духовный смысл Слова есть то же самое, что учение, которое на небе, ибо на небе, так как и на земле, есть Церковь, потому что там есть Слово и учение из Слова; есть храмы, в которых произносятся проповеди, ибо там существуют правительства церковные и гражданские; словом, между тем, что на небе, и тем, что на земле, нет другой разницы, как та, что на небе все находится в состоянии более совершенном, потому что там все духовно, а духовное неизмеримо превосходит совершенство естественное. Что на небе существуют подобные предметы, видно повсюду в труде "О небе и аде", в особенности же в статьях о правлениях на небе и о тамошнем богослужении. Из этого можно заключить, что разумеется под "святым городом Иерусалимом, новым", виденным нисходящим от Бога с неба. Итак, приступаю к самому учению, предназначенному для Новой Церкви и которое, будучи мне открыто с неба, называется небесным учением; изложить его - составляет цель сего труда.

Предисловие к учению.

8. Что конец Церкви наступает тогда, когда нет больше веры, потому что нет больше благолюбия, показано в творении "О Страшном Суде и разрушенном Вавилоне". Так как в настоящее время Церкви в христианском мире отличаются одна от другой лишь тем, что принадлежит вере; тогда как веры нет там, где нет благолюбия, то я намерен предпослать самому учению нечто об учении о благолюбии у древних. Под "Церквами в христианском мире" понимаются Реформаторская или Евангелическая Церкви, а не церковь Папистов, потому что у последних нет Христианской Церкви; ибо Церковь находится там, где почитают Господа и читают Слово; у Папистов же этого нет. Они вместо Господа почитают себя, запрещают народу читать Слово, и повеления Папы ставят наравне со Словом, и даже выше.

9. Учение о благолюбии, которое есть учение о жизни, было существенным учением в Древних Церквах (о них говорится в "Небесных Тайнах"). Это учение связывало все церкви таким, образом, что из многих образовывалась одна, ибо принадлежащими к Церкви признавались все те, которые жили в добре благолюбия, и называли их братьями, как бы они при этом не различались в истинах, называемых, ныне истинами веры. У них один наставлял другого и наставление считалось одним из дел благолюбия. Также они не раздражались, если один не принимал мнения другого, ибо знали, что каждый приемлет истину постольку, поскольку он находится в добре. Так как Древние Церкви были таковы, то и люди, образовавшие их были внутренними, а так как они были внутренними, то были и мудрыми; ибо находящиеся в добре любви и

благолюбия в отношении к внутреннему человеку находятся на небе, и по внутреннему же человеку в ангельском обществе, находящемся в подобном же добре. Отсюда происходил подъем их духа к внутреннему, и, следовательно, происходила их мудрость, ибо мудрость ниоткуда более происходить не может, как с неба, то есть, чрез небо от Господа; мудрость же находится на небе, потому что там все находится в добре. Мудрость заключается в зрении истины из света истины, а свет истины есть свет, находящийся на небе. Однако с течением времени древняя мудрость стала убывать, ибо, поскольку род человеческий удалялся от добра любви к Господу и любви к ближнему, которая называется благолюбием, постольку он удалялся от мудрости, ибо постольку удалялся от неба. Отсюда произошло то, что человек из внутреннего сделался внешним, при том постепенно. Когда же человек сделался внешним, то сделался и мирским и плотским; когда же человек таков, то он мало заботится о предметах принадлежащих небу, потому что он всецело овладеваем уладами земных похотей и вместе с ними злом, которое эти похоти делают ему приятным. Тогда все, что он слышит о жизни после смерти, о небе и аде, словом, все, что он слышит о духовном, находится как бы вне его, а не в нем, чему, однако, следовало бы быть. Отсюда произошло также то, что учение о благолюбии, которое было столь ценимо древними, ныне совершенно утрачено, ибо кто ныне знает, что такое благолюбие в подлинном смысле, и что такое ближний в подлинном смысле, тогда как это учение не только научает сему, но еще бесчисленному множеству других предметов, из которых ныне неизвестна и тысячная доля. Все священное Писание есть не что иное, как учение любви и благолюбия, чему также учит и Господь, говоря:

"Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим, и всею душою твоею, и всем разумением своим. Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки" (Матв. XXII, 7 - 40).

Закон и пророки суть Слово, как в общем, так и в частностях.

О добре и истине.

11. Все во вселенной, находящееся в согласии с Божественным порядком, относится к добру и истине. Нет ничего ни на небе, ни в мире, что не относилось бы к ним. Причина тому та, что как добро, так и истина исходят от Божественного, которое начало всему.

12. Отсюда явствует, что нет ничего важнее для человека, как знать, что есть добро и истина; а также, каким образом одно взирает на другое, и одно связывается с другим. Более же всего это необходимо человеку Церкви, потому что, как все принадлежащее небу относится к добру и истине, так и все принадлежащее Церкви, ибо добро и истина неба суть также добро и

истина Церкви; поэтому первоначально будет рассмотрено добро и истина.

13. Согласно Божественному порядку добро и истина должны быть связаны, а не разделены, при том так, чтобы они были одно, а не два; ибо они исходят связанными из Божественного, и связанными пребывают на небе, а потому должны быть связанными и в Церкви. Связь добра и истины называется на небе небесным супружеством, ибо в этом супружестве состоят все, находящиеся на небе. Отсюда происходит, что в Слове небо сравнивается с супружеством, и что Господь именуется женихом и супругом, а небо невестой и супругой, равным образом и Церковь. Небо и Церковь именуются так потому, что находящиеся в них воспринимают божественное Добро в истинах.

14. Все разумение и вся мудрость ангелов происходят из сего супружества, ничто же - из добра, отделенного от истины, ни от истины, отделенной от добра. То же самое относится к людям, принадлежащим к Церкви.

15. Так как связь добра и истины есть подобие супружества, то ясно, что добро любит истину, и наоборот, истина любит добро, и одно желает связи с другим. Человек Церкви, не имеющий такой любви и такого желания, не находится в небесном супружестве, а потому еще не имеет в себе Церкви, ибо связь добра и истины образует Церковь.

16. Добро бывает многих родов; в общем существует духовное добро и естественное добро; и то и другое связаны в истинно-нравственном добре. Каково добро, такова и истина, потому что истина принадлежит добру и есть форма добра.

17. Отношения, существующие между добром и истиной, существуют из противоположности между злом и ложью, а именно, как во вселенной все согласное с Божественным порядком относится к добру и истине, так все противное Божественному порядку относится ко злу и лжи. Также как добро любит быть связанным с истиной, так и зло любит быть связанным с ложью, и наоборот. Затем, - как всякое разумение и мудрость рождаются от связи истины и добра, так и всякое безумие и безрассудность - от связи зла и лжи. Связь зла и лжи называется адским супружеством.

18. Из того, что зло и ложь противоположны добру и истине, явствует, что истина не может быть связана со злом, ни добро - с ложью, происходящей из зла. Если истина присоединяется ко злу, то она более не истина, но ложь, потому что искажена; и если добро присоединяется ко лжи происходящей из зла, то оно более не добро, но зло, потому что

осквернено; однако ложь, происходящая не от зла, может быть связана с добром.

19. Кто по убеждению и по жизни находится во зле и из него во лжи, тот не может знать, что есть добро и истина, потому что он почитает свое зло за добро, а из этого почитает свою ложь за истину. Всякий же, находящийся по убеждению и по жизни в добре, а из него в истине, может знать, что такое зло и ложь. Причина сему та, что все добро и его истина, по существу своему, небесны, а то, что в них и не небесно, все же небесного происхождения; тогда как все зло и его ложь по существу своему адски, а что по существу своему и не адско, все же происходит из него. Все небесное находится в свете, а все адское - во тьме.

О воле и разуме.

28. У человека две способности, образующие его жизнь: одна называется Волей, а другая Разумом. Они между собой различны, но так сотворены, что образуют одно; когда же они одно, то называются умом (*mens*); поэтому они суть ум человека, и в них вся жизнь его.

29. Как во вселенной все, что согласно с Божественным порядком, относится к добру и истине, так и все у человека относится к воле и разуму, потому что добро у человека принадлежит его воле, а истина - его разуму: ибо эти две способности или две жизни человека, суть приемники (*receptacula*) и носители (*subjecta*) их. Воля есть приемник и носитель всего доброго, а разум - приемник и носитель всего истинного. Добро и истина не находятся у человека ни в чем ином, а так как они у человека ни в чем ином не находятся, то и любовь и вера не находятся ни в чем ином; на том же основании любовь принадлежит добру, а добро - любви: вера же - истине, а истина - вере.

30. В виду того, что все во вселенной относится к добру и истине, и все принадлежащее Церкви относится к добру любви и истине веры, и человек является человеком благодаря этим двум способностям, то и в этом учении будет сказано о них; ибо иначе человек не может составить о них ясного понятия и обосновать свою мысль.

31. Воля и разум образуют также дух (*spiritus*) человека, ибо в них обитают его мудрость и безумие, и в общем, его жизнь; тело же - только послушное орудие.

32. Ничего нет важнее, как знать каким образом воля и разум образуют единый ум. Они образуют один ум, как добро и истина образуют одно, ибо существует такое же супружество между волей и разумом, какое

существует между добром и истиной. Какого рода это супружество ясно можно установить из того, что сказано выше о добре и истине; то есть, что как добро есть само бытие (Esse) вещи, а истина - ее существование (Existere) из него, так и воля у человека есть само бытие жизни его, а разум - ее существование из него; ибо добро, принадлежащее воле, образуется в разуме и в нем становится видимым.

33. Те, которые находятся в добре и истине, имеют волю и разум; те же, которые находятся во зле и лжи, не имеют ни воли, ни разума, но вместо воли имеют вожделение (cupido), а вместо разума - знание (sciencia). Так как подлинно человеческая воля есть приемник добра, а разум - приемник истины; то воля не может быть отнесена ко злу, ни разум - ко лжи; ибо они друг другу противоположны, а противоположное друг друга разрушает. Из этого следует, что человек, находящийся во зле, а из него - во лжи, не может быть назван ни рассудительным, ни мудрым, ни разумным. У злых внутреннее ума, где преимущественно обитают воля и разум, затворено. Люди предполагают, что злые также имеют волю и разум, потому что они говорят, что они хотят, и понимают, но их хотение есть только вожделение, и их разумение - только знание.

О внутреннем и внешнем человеке.

36. Человек так сотворен, что он одновременно находится в мире духовном и в мире естественном. Духовный мир - тот, где ангелы, а естественный мир - тот, где люди. Так как человек сотворен таким образом, то ему дано внутреннее и внешнее; внутреннее, чтобы посредством его находиться в мире духовном, внешнее, чтобы посредством его находиться в мире естественном. Внутреннее его есть то, что называется внутренним человеком, а внешнее - что называется внешним человеком.

37. У каждого человека есть внутреннее и внешнее, но различным образом у добрых и у злых. У добрых внутреннее находится на небе и во свете его, а внешнее - в мире и его свете. Последний свет озаряется в них светом неба, и таким образом, внутреннее и внешнее у них действуют как одно, подобно тому, как причина действующая и действие, или как предшествующее и последующее. У злых же, как внутреннее, так и внешнее находится в мире и его свете, поэтому они ничего не видят из света неба, но только из света мира, который они называют светом природы. Посему небесное для них находится во мраке, а то, что принадлежит миру, - во свете. Из этого явствует, что у добрых есть внутренний и внешний человек, у злых же нет внутреннего человека, а только один внешний.

38. Внутренний человек называется духовным человеком, потому что он находится в свете неба, свет же неба духовный; внешний же человек называется естественным человеком, потому что находится в свете мира, свет же мира естественный. Человек, внутреннее которого находится в свете неба, а внешнее в свете мира, есть духовный человек по отношению к обоим; тогда как человек, внутреннее которого не находится в свете неба, но только в свете мира, в котором находится и его внешнее, есть человек естественный по отношению к обоим. Духовный человек называется в Слове живым, естественный же человек называется мертвым.

39. Человек, внутреннее которого находится в свете неба, а внешнее в свете мира, одновременно мыслит и духовно, и естественно, при чем тогда его духовная мысль втекает в естественную и в ней становится понятной. Человек же, внутреннее которого вместе с внешним, находится в свете мира, мыслит не духовно, но естественно; ибо он мыслит из таких предметов, которые находятся в природе мира и которые все естественны. Духовно мыслить значит: мыслить о предметах по их сущности, видеть истину из света истины и понимать добро из любви к добру; также видеть качество предметов, и понимать действия их отвлеченно от материи; естественно же мыслить значит: видеть и понимать эти предметы совокупно с материей и в материи, итак, сравнительно грубо и темно.

40. Духовный внутренний человек, рассмотренный по своему существу, есть ангел неба, а следовательно, пока живет в теле, находится в обществе ангелов, чего он, однако, не знает, и по разрешении от тела переселяется к ним. Вполне же естественный внутренний человек, рассмотренный по своему существу, есть дух, а не ангел, и, следовательно, пока живет в теле, находится в обществе духов, но тех, которые в аду, к которым по разрешении от тела он и переселяется.

41. Внутреннее у тех, которые духовны, действительно возвышено к небу, ибо они преимущественно взирают на него. Внутреннее же, принадлежащее духу, у тех, которые вполне естественны, действительно обращено к миру, потому что они преимущественно на него взирают. Внутреннее духа каждого обращено к тому, что он больше всего любит, также внешнее его души, обращено в ту же сторону, в которую обращено внутреннее.

42. Имеющие только общее представление о внутреннем и внешнем человеке, предполагают, что внутренний человек есть тот, который мыслит и хочет, а внешний тот, который говорит и делает, потому что мышление и хотение - внутренни, а говорение и делание - внешни. Однако, надобно знать, что когда человек разумно мыслит и мудро хочет, тогда он мыслит и хочет из духовного внутреннего; когда же человек не

разумно мыслит и не мудро хочет, то он мыслит и хочет из естественного внутреннего. Следовательно, когда человек хорошо мыслит о Господе и о том, что принадлежит Ему, и хорошо о ближнем, и о том, что принадлежит ближнему, и желает им блага, тогда он мыслит и хочет из духовного внутреннего; потому что тогда он мыслит из веры истины и из любви добра, итак - из неба. Когда же человек худо о них думает и им желает зла, тогда он мыслит и хочет из естественного внутреннего, потому что мыслит и хочет из веры лжи и из любви зла, итак - из ада. Словом, поскольку человек находится в любви к Господу и в любви к ближнему, постольку он находится в духовном внутреннем и из него мыслит и хочет, а также из него говорит и делает; но поскольку человек находится в себялюбии и в любви к миру, постольку он находится в естественном внутреннем и из него мыслит и хочет, а также из него говорит и делает.

43. Господом предусмотрено и устроено так, что поскольку человек по небесному мыслит и хочет, постольку отверзается и образовывается его духовный внешний человек. Это отвержение простирается на небо даже до Господа, образование же происходит согласно тому, что принадлежит небу. Наоборот, поскольку человек мыслит и хочет не из неба, но из мира, постольку затворяется его духовный внутренний человек, а внешний отверзается; отвержение это происходит по направлению к миру; образование же - согласно тому, что принадлежит миру.

44. Те, у которых духовный внутренний человек отверст и обращен к небу и Господу, находятся в свете неба и озарения от Господа, а потому в разумении и мудрости; они видят истину, потому что она истина, и постигают добро, потому что оно добро; те же, у которых духовный внутренний человек затворен, не знают, что существует внутренний человек, а еще менее, каков он; также они не верят, что есть Божественное и жизнь после смерти; итак, не верят тому, что принадлежит небу и Церкви. Так как они находятся только в свете мира и в озарении из него, то верят в Божественное, видят ложь как истину и постигают зло как добро.

45. Чувственным человеком называется тот, внутреннее которого до того внешне, что он ничему другому не верит, как только тому, что может видеть глазами и осязать руками. Он - естественный человек на самой низкой ступени и находится в оболыщении чувств в отношении ко всему, что принадлежит вере Церкви.

46. Внутреннее и внешнее, о которых была речь, суть внутреннее и внешнее духа человека; тело же есть только придаточное внешнее, внутри которого они существуют; ибо тело из себя ничего не делает, но действует из своего духа, находящегося в нем. Надобно знать, что дух человека

после разрешения от тела, так же как и до того мыслит и хочет, а также говорит и делает; мышление и хотение суть его внутреннее, а говорение и делание - его внешнее.

О любви вообще.

54. Сущность жизни человека есть его любовь, и какова любовь, такова жизнь и даже весь человек. Господствующая или управляющая любовь есть то, что образует человека. Эта любовь имеет у себя в подчинении многие другие роды любви, являющиеся производимыми. Они проявляются в других видах, но все же каждый из них находится в господствующей любви и совместно с нею образует одно царство. Господствующая любовь есть как бы царь и глава их; она управляет ими и посредством их, как чрез посредствующие цели, взирая и стремясь к своей конечной цели, которая есть первенствующая и последняя цель всего; при том, как прямо, так и посредственно. Принадлежащее господствующей любви есть то, что любимо превыше всего.

55. Что человек превыше всего любит, непрестанно присутствует в его мысли, а также в его воле, и образует самую суть его жизни. Так, например: кто превыше всего любит богатства, состоящие или в деньгах, или во владениях, тот непрестанно обращается душою к тому, каким бы образом приобрести себе их; внутренне радуется, когда приобретает, и внутренне страдает, когда теряет их; ибо сердце его находится в них. Кто же превыше всего любит самого себя, тот во всех обстоятельствах вспоминает о себе, о себе думает, о себе говорит, себя ради действует; ибо жизнь его есть жизнь себя ради.

56. Человек имеет конечною целью то, что он превыше всего любит; он взирает на то в общем и в частном. Оно в воле его подобно сокровенному течению реки, которое влечет и уносит его даже тогда, когда он занимается чем-нибудь другим; ибо оно есть то, что одушевляет его. Единственно это человек отыскивает и видит в другом, и согласно ему же он им руководит или поступает с ним.

57. Человек совершенно таков, каково господствующее в его жизни; посредством его он отличается от других и согласно ему образуется его небо, если он добр, и его ад, если он зол. Оно есть воля его, его собственное (*proprium*) и его природа; ибо оно есть само бытие (*Esse*) его жизни. Оно не может измениться и после смерти, потому что оно есть сам человек.

58. Вся услада, счастье и блаженство каждого проистекают из его господствующей любви и согласно с ней, ибо человек называет приятным

то, что он любит, потому что он это чувствует; а то, о чем он только мыслит, а не любит, хотя и может называться приятным, все же не есть услада его жизни. Услада любви для человека - добро, а неприятное - зло.

59. Есть два рода любви, из которых, как из, своих источников, истекает все доброе и истинное; есть также два рода любви, из которых истекает все злое и ложное. Два рода любви, из которых истекает все доброе и истинное, суть любовь к Господу и любовь к ближнему; а два рода любви, из которых истекает все злое и ложное, суть себялюбие и любовь к миру. Последние два рода любви совершенно противоположны первым двум.

60. Два рода любви, из которых истекает все доброе и истинное, и которые, как сказано, суть любовь к Господу и любовь к ближнему, создают у человека небо; поэтому они также господствуют на небе; и так как они создают у человека небо, то создают у него также и Церковь. Два рода любви, из которых у него истекает все злое и ложное, и которые, как сказано, суть себялюбие и любовь к миру, образуют ад у человека; поэтому они также господствуют в аду.

61. Два рода любви, из которых истекает все доброе и истинное, и которые, как сказано, суть любовь неба, отверзают и образуют духовного внутреннего человека, потому что они в нем обитают; два же рода любви, из которых истекает все злое и ложное, затворяют и разрушают духовного внутреннего человека, когда они господствуют, и делают человека естественным и чувственным, по мере и качеству их господствования.

О себялюбии и любви к миру.

65. Себялюбие есть желание блага одному себе и никому другому, кроме самого себя; ни даже Церкви, ни отечеству, ни какому-либо человеческому обществу, или согражданину; если же человек и благотворит им, то единственно ради своего доброго имени, чести и славы; и если он не видит сего в творимом добре, то говорит в своем сердце: "Что принесет оно мне? Для чего оно? И что мне от него?" - и таким образом отбрасывает его. Из этого ясно, что тот, кто находится в себялюбии, не любит ни Церковь, ни отечества, ни общества, ни согражданина, ни чего-либо доброго, но одного себя.

66. Человек находится в себялюбии тогда, когда он в том, что думает или делает, не взирает на ближнего, а потому и не на общество, и еще менее на Господа, но взирает только на самого себя и своих; следовательно, тогда, когда он что либо делает, то делает только для самого себя и своих;

если же он и делает что-нибудь для общества и ближнего, то только ради видимости.

67. Сказано: для самого себя и своих, - потому что кто любит себя, тот любит и своих, то есть, в частности своих детей и внуков и в общем всех, составляющих с ним одно, и которых он называет своими. Любить тех и других значит также любить самого себя, ибо он видит их как бы в самом себе, а себя в них. Среди тех, которых он называет своими, находятся также и все те, которые его хвалят, уважают и почитают.

68. Тот находится в себялюбии, кто при сравнении с собою пренебрегает ближним, считает его своим неприятелем, если он ему не благоприятствует, не уважает и не почитает его. Еще более в себялюбии находится тот, кто сего ради ненавидит и преследует ближнего и желает ему гибели. Такие, наконец, испытывают удовольствие в жестокости.

69. Из сравнения с небесной любовью можно видеть, каково себялюбие. Небесная любовь есть любовь к полезному (uses) ради полезного, или к добру ради добра, которое человек оказывает Церкви, отечеству, человеческому обществу и согражданину; кто же любит их лишь ради самого себя, тот не иначе их любит, как своих слуг, потому что они служат ему. Из этого следует, что тот, кто находится в себялюбии, хочет чтобы Церковь, отечество, человеческие общества и сограждане ему служили, а не он им. Он ставит себя выше их, а их ниже себя.

70. Далее, поскольку человек находится в небесной любви, которая есть любовь к полезному и благому, и ощущении сердечной улады, при оказании их другим, постольку он ведется Господом, ибо эта любовь есть та, в которой Он Сам пребывает и которая от Него происходит. Поскольку же кто либо находится в себялюбии, постольку он водим самим собою; а поскольку он водим самим собою, постольку - своим собственным; собственное же человека - ничто иное, как зло; ибо зло есть его наследие и состоит в том, чтобы любить себя более Бога, а мир более Неба.

71. Себялюбие таково, что поскольку ослабляется над ним узда, то есть, удаляются внешние узы, которые суть страсть закона и его наказания, и боязнь лишиться доброго имени, чести, дохода, должности и жизни, постольку оно стремится к господствованию не только над всем земным миром, но также и над Небом и самим Божественным, ибо нет ему никаких пределов или конца. Это сокрыто в каждом человеке, находящемся в себялюбии, хотя и не открыто пред миром, где вышеупомянутые узы его удерживают. Такой человек, встречая невозможное (на своем пути) останавливается до тех пор, пока оно не становится возможным; поэтому человек, находящийся в такой любви, не

знает, что в нем скрывается столь неистовое и неограниченное вожделение. Но что это действительно так, всякий может видеть на правителях и царях, для которых подобные узы и невозможности не существуют, и которые устремляются и покоряют области и царства, поскольку это им удастся, домогаясь беспредельной власти и славы; и еще более на тех, которые простирая свое господствование на Небо, переносят всю Божественную власть Господа на самих себя и беспрестанно вожделеют большего.

72. Есть два рода господствования: одно из любви к ближнему, а другое из себялюбия. Эти два господствования в сущности своей совершенно противоположны одно другому. Кто господствует из любви к ближнему, тот желает всем добра, и ничего не любит в такой степени, как приносить пользу, и так служить другим; (служение другим есть благотворение и приношение пользы другим по доброй воле); это - его любовь и услада сердца. И чем больше такой человек возвышается в почете, тем больше он сему радуется, однако ж, не ради самого почета, но ради пользы, которую он тогда в состоянии приносить в большей мере и высшей степени. Такое господствование находится на Небе. Кто же господствует из себялюбия, тот никому другому никакого добра не желает, как только себе и своим. Польза, им приносимая, имеет целью только личную его честь и славу, которые образуют единственный предмет его действий. Он служит другим для того, чтобы ему служили и почитали его и чтобы самому господствовать. Он домогается почестей не ради добра, которое сможет доставлять другим, но для того только, чтобы быть в возвышении и славе, итак, в усладе своего сердца.

73. Любовь господствования пребывает в каждом человеке и после его жизни в этом мире. Тем, которые господствовали здесь из любви к ближнему, вверяется господствование и на небесах; но тогда господствуют не они, а господствует польза и добро, которые они любят; когда же польза и добро господствуют, то господствует сам Господь. Те же, которые в мире господствовали из себялюбия, после жизни в этом мире находятся в аду и становятся там низкими рабами.

74. Из этого становится ясным, кто находится в себялюбии. Безразлично, какими люди кажутся во внешнем, гордыми или смиренными, ибо свойства их заключены во внутреннем человеке; а внутренний человек у большинства людей сокрыт; внешний же научен лицемерно показывать любовь к общественному благу и ближнему, следовательно, противоположное своему внутреннему расположению. Это ими делается также ради себя; ибо они знают, что любовь к общественному благу и к ближнему внутренне всем нравится, и что поскольку они сообразно ей действуют, постольку бывают любимы и уважаемы. Что эта любовь всем нравится, и что поскольку они сообразно ей действуют, постольку бывают

любимы и уважаемы. Что эта любовь всем нравится, происходит оттого, что в нее втекает Небо.

75. Зло, у находящихся в себялюбии, в общем состоит: в презрении к другим, в зависти и вражде к тем, которые им не благоприятствуют и в проистекающих из них ненависти, мщени, хитрости, коварстве, немилосердии и жестокости. Где такое зло, там также и презрение к Божественному и Божественным предметам, которые суть истинное и доброе Церкви: если они и бывают почитаемы, то лишь одними устами, а не сердцем. Так как такое зло происходит из этой любви, то из нее же происходит и соответствующая ему ложь, ибо из зла проистекает ложь.

76. Любовь же к миру есть желание овладеть имуществом других какими бы то ни было средствами, привязанность сердца к богатству и попускание миру отвлекать и отводить себя от духовной любви, которая есть любовь к ближнему, и таким образом, отводить себя от Неба. В любви к миру находятся те, которые желают различными средствами присвоить себе имущество других, особенно же чрез хитрость и коварство, ни во что не ставя благо ближнего. Находящиеся в этой любви вожделяют имущества других, и поскольку они, ища свою пользу, не боятся преследования законов и потери собственной чести, постольку отнимают и даже грабят.

77. Все же любовь к миру не в такой степени противоположна любви небесной, как себялюбие, ибо в ней не скрывается столь великое зло. Эта любовь многообразна: есть любовь к богатству ради возвышения к почестям; любовь к чести и почестям ради стяжания богатства; любовь к богатству ради достижения наслаждений в мире; любовь к богатству только ради самого богатства, такая любовь у скупцов; и так далее. Цель, ради которой желают богатства, называется полезностью, и цель или полезность есть то, откуда любовь получает свое качество; ибо любовь такова, какова цель, ради которой действуют: все прочее служит ей только средством.

78. Одним словом, себялюбие и любовь к миру совершенно противоположны любви к Господу; любви к ближнему: поэтому и себялюбие и любовь к миру суть адская любовь; она господствует в аду и образует ад у человека. Любовь же к Господу и любовь к ближнему суть любовь небесная; она господствует на Небе и образует Небо у человека.

79. Из всего сказанного ясно, что находится в обоих родах любви, а также что из них проистекает все зло; ибо зло, перечисленное в параграфе 75-ом, есть зло общее, прочее же, которое не перечислено, будучи злом частным, происходит и проистекает из первого. Из этого явствует, что человек, рождаясь в той и другой любви, родится во зле всякого рода.

80. Для того чтобы человек мог знать, что есть зло, он должен знать его происхождение. Пока он этого не знает, он не может знать и того, что есть добро; таким образом, не может знать и того, каков он сам. Вот почему здесь шла речь о сих двух источниках зла.

О любви к ближнему, или о благолюбии.

84. Прежде всего, следует сказать, кто ближний, потому что он есть тот, кто должен быть любим, и кому должно оказывать благолюбие. Если человек не знает, что есть ближний, то может оказывать благолюбие одинаковым образом, без разбора, как злым, так и добрым; и тогда благолюбие не есть уже благолюбие, ибо злые, благодаря им оказанным благодеяниям, делают ближнему зло, тогда как добрые делают добро.

85. В настоящее время, по общему мнению, всякий человек в одинаковой степени ближний, вследствие чего должно благодетельствовать всякому, кто только имеет нужду в помощи; однако, благоразумию христианскому надлежит старательно испытывать, какова жизнь человека и сообразно его жизни оказывать ему благолюбие. Человек Внутренней Церкви делает это с разбором, а потому с разумением; человек же Внешней Церкви, не будучи в состоянии различать, поступает без разбора.

86. Различия, существующие между ближними, и которые человек Церкви должен хорошо знать определяются степенью добра в каждом. Так как, все добро исходит от Господа, то Господь есть ближний в наивысшем смысле и степени, и от Него начало ближнего. Отсюда следует, что, поскольку человек имеет у себя Господа, постольку он и ближний; а так как никто одинаковым образом не имеет у себя Господа, т. е. добра, которое от Него истекает, то и ближним никто не бывает одинаковым образом. Действительно, все на небе и все добрые на земле различаются в добре. Никогда у двух людей не бывает совершенно одинакового добра; оно должно быть различным, дабы каждое могло существовать само по себе. Всего разнообразия добра, и отсюда происходящего различия ближних, которое существует согласно приятию в себе Господа, то есть согласно приятию от Него добра, никакой человек, ни даже ангел, знать не может. Они могут иметь лишь общее понятие, то есть, понятие о родах и видах его. Впрочем, и Господь большего от человека Церкви не требует, как только того, чтобы он жил согласно тому, что он знает.

87. Так как добро в каждом человеке различно, то из этого следует, что качество добра определяет в какой степени и в каком отношении другой человек есть ближний. Что это так, ясно видно из притчи Господа о человеке, который попался разбойникам, и мимо которого полумертвого, прошел священник, а также левит, тогда как самарянин перевязал его

язвы, возлил на них елей и вино, посадил его на своего осла, привез в гостиницу и распорядился, чтобы имели о нем попечение. Так как этот самарянин сделал ему добро, происходящее из благолюбия, то он и называется ближним; (Лук. X. 29 - 37). Отсюда ясно, что все, находящиеся в добре, суть ближний, а елей и вино, которые Самарянин возлил на раны, означают добро и его истину.

88. Из сказанного теперь явствует, что во всеобъемлющем смысле добро есть ближний, потому что человек есть ближний по качеству добра, которое у него находится от Господа. Так как добро есть ближний, то и любовь есть ближний, ибо все добро принадлежит любви; следовательно, каждый человек есть ближний согласно любви, которая в нем от Господа.

89. Что любовь образует ближнего, и что каждый есть ближний, согласно качеству его любви, ясно видно на тех, которые находятся в себялюбии. Они признают ближними тех, которые их наиболее любят, то есть, поскольку они им принадлежат; их они обнимают, ласкают, благодетельствуют им, и называют своими братьями; и так как они злы, то и называют их своими ближними преимущественно пред другими; прочих же почитают за своих ближних постольку, поскольку они их любят, итак, согласно качеству и степени их любви. Такие люди начало ближнего производят от самих себя, потому что любовь образует и определяет его. Те же, которые не любят себя больше других, каковы суть все принадлежащие Царству Божию, производят начало ближнего от Того, которого следует превыше всего любить, то есть, от Господа; а ближним почитают каждого человека по качеству его любви к Господу и от Господа. Из сего явствует, откуда человек Церкви должен производить начало ближнего и что каждый есть ближний согласно тому добру, которое находится в нем от Господа; следовательно, само добро есть ближний.

90. Что это так, Господь учит у Матвея, говоря тем, которые были в добре: "Что они дали Ему есть, напоили Его, приняли Его, одели Его, посетили Его, и в темницу пришли к Нему", и потом: "что, так как они сделали это одному из братьев Его меньших, то сделали Ему". В сих шести родах добра, разумея их в духовном смысле, заключаются все роды ближнего. Отсюда также явствует, что любя добро, человек любит Господа; ибо Господь есть Тот, от которого добро проистекает, который в добре и есть Добро.

91. Однако не только отдельный человек есть ближний, но также и люди в совокупности. Так, например, большие или меньшие общества, отечество, Церковь, Царство Господне и превыше всего сам Господь. Они суть ближний и им должно оказывать добро из любви. Они суть также восходящие степени ближнего, потому что общество многих людей есть в

высшей степени ближний, нежели один человек; в более высокой степени - отечество; в еще более высокой - Церковь; в еще большей - Царство Господне; и в наивысшей - Господь. Эти восходящие степени подобны ступеням лестницы, на вершине которой находится Господь.

92. Общество есть ближний предпочтительнее пред отдельным человеком, потому что оно состоит из многих. Ему должно оказывать благолюбие точно также, как отдельному человеку, а именно, согласно качеству находящегося у него добра; поэтому совершенно иначе обществу, состоявшему из честных людей, нежели обществу бесчестных. Общество любимо тогда, когда люди пекутся о его благе из любви к добру.

93. Отечество есть ближний преимущественнее пред обществом, потому что оно подобно родительнице; ибо в отечестве человек рождается, оно его питает и охраняет от обид. Отечеству надлежит оказывать добро из любви согласно его потребностям, которые прежде всего относятся к прокормлению его и к гражданской и духовной жизни тех, которые в нем находятся. Кто любит Отечество и оказывает ему добро из доброжелательства, тот в будущей жизни любит Царство Божие, ибо там Царство Господне - его отечество; а кто любит Царство Господне, тот любит Господа, потому что Господь есть все во всем в Его Царстве.

94. Церковь есть ближний предпочтительнее пред отечеством; ибо кто печется о Церкви, тот печется о душах и вечной жизни людей, находящихся в отечестве. Поэтому, кто печется о Церкви из любви, тот любит ближнего в высшей степени; ибо он другим желает и хочет неба и блаженства жизни в вечности.

95. Царство Господне есть ближний еще в более высокой степени, ибо Царство Господне состоит из всех, находящихся в добре, как на земле, так и на небесах. Таким образом, Царство Господне есть добро в его многообразии совокупно взятое. Когда оно любимо, то любим каждый, находящийся в добре.

96. Таковы степени ближнего, и по сим степеням восходит любовь у тех, которые находятся в любви к ближнему. Но эти степени суть степени в порядке последовательном, в котором первое или высшее должно предпочитать последующему или низшему. Так как Господь находится на высшей ступени и на Него должно взирать на каждой ступени, как на цель, к которой все стремится, то Его должно любить превыше всех и всего. Из этого теперь ясно, каким образом любовь к Господу связуется с любовью к ближнему.

97. Обыкновенно говорят, что каждый человек есть ближний самому себе, то есть, что каждый прежде всего должен заботиться о себе. Учение благолюбия научает, каким образом должно это понимать. Каждый должен заботиться о том, чтобы иметь нужное для жизни, то есть: пищу, одежду, жилище и прочие необходимые предметы гражданской жизни, в которой он находится, при том не только для себя одного, но также и для своих, и не только для настоящего времени, но также и для будущего; ибо, если кто не снискивает для себя нужного для жизни, тот не в состоянии оказывать благолюбия, потому что сам имеет во всем недостаток.

98. Но каким образом каждый должен быть сам себе ближним, можно видеть из следующего примера: каждый должен заботиться о пище и одежде для своего тела; это должно быть первым, но ради того, чтобы здоровый дух обитал в здоровом теле; также каждый должен заботиться о доставлении пищи своему духу, то есть, всего того, что принадлежит разумению и мудрости, ради того, чтобы посредством этого быть в состоянии служить согражданам, обществу, отчеству и Церкви, итак, самому Господу. Кто таким образом поступает, тот печется о своем вечном благе. Из этого ясно, что первое есть то, что образует цель, ради которой свершается поступок, ибо к ней относится все. Здесь, как при строении дома: сперва кладется основание, основание предназначается для дома, а дом - для жительства. Кто считает себя ближним на первом месте, тот подобен тому, кто считает целью основание, а не дом и жительство; тогда как жительство есть самая первая и последняя цель, а дом с основанием - только средство к достижению ее.

99. Цель объясняет, каким образом каждый бывает ближним самому себе и прежде всего должен заботиться о самом себе. Если цель его состоит в том, чтобы стать богаче других, единственно ради богатства, или ради наслаждения, или ради отличия пред другими, и тому подобного, то цель эта дурна, и он не любит ближнего, но любит самого себя. Если же его цель состоит в стяжании себе имения для того, чтобы быть в состоянии помогать согражданину, обществу, отечеству и Церкви; равным образом в снискании себе должности для той же цели, то он любит ближнего. Цель, ради которой он действует, образует человека; ибо эта цель - его любовь, потому что первая и последняя цель для каждого есть то, что он больше всего любит. Все это сказано о ближнем; теперь будет речь о любви к нему, или о благолюбии (*de Charitate*).

100. Многие думают, что любовь к ближнему состоит в подавании нищим, помощи нуждающимся и делании добра каждому; благолюбие, однако, есть благоразумное действие, имеющее целью добро. Кто оказывает помощь какому-нибудь одному или нуждающемуся злодею, тот чрез это делает зло ближнему; ибо, оказывая помощь ему, он утверждает его во зле

и доставляет ему возможность делать зло другим. Иначе поступает тот, кто поддерживает добрых.

101. Но благолюбие простирается гораздо далее, чем на нищих и нуждающихся; ибо благолюбие есть правосудие во всяком деле и исполнение своего долга во всяком звании. Итак, если судья справедливо судит ради справедливости, он оказывает благолюбие. Если он наказывает виновного и освобождает невинного, то оказывает благолюбие, ибо поступая таким образом, он печется о согражданах и отечестве. Священник, который учит истине и ведет к добру ради истины и добра, оказывает благолюбие. Кто же делает то же самое ради себя и мира, тот не оказывает благолюбия, ибо не любит ближнего, но только самого себя.

102. То же самое относится и к прочим людям, находятся ли они в должностях, или вне их; например, к детям по отношению к родителям, и родителям по отношению к детям; к слугам по отношению к господам, и господам - к слугам; к подданным по отношению к царю, и царю - к подданным. Кто из них исполняет свой долг из любви к долгу и поступает справедливо из любви к справедливости, тот оказывает благолюбие.

103. Что это принадлежит любви к ближнему или благолюбию, происходит, как выше сказано, оттого, что каждый человек есть ближний только различным образом. Меньшее или большее общество есть ближний в большей степени, чем отдельный человек; отечество есть ближний еще в большей степени; Царство Божие - еще более; а Господь - превыше всех; и в общем смысле, добро, происходящее от Господа, есть ближний; следовательно, и честность и справедливость. Поэтому, кто делает что либо доброе добра ради и поступает честно и справедливо ради честности и справедливости, тот любит ближнего и оказывает благолюбие, ибо действует из любви к добру, честности и справедливости; поэтому из любви к тем, в которых они находятся.

104. Итак, благолюбие есть внутренняя склонность, из которой человек хочет делать добро, при том без всякого вознаграждения; делание его есть услада его жизни. В делающих добро из внутренней склонности, благолюбие находится во всем их мысли и слова, воли и действия; можно сказать, что человек и ангел, по отношению к их внутреннему, когда добро для них ближний, суть благолюбие. Так далеко простирается благолюбие.

105. Те, цель которых есть себялюбие и любовь к миру, никоим образом не могут быть в благолюбии, они даже не знают что такое благолюбие; и совершенно не понимают, что хотеть и делать добро ближнему без ожидания возмездия, есть небо в человеке, и что в этой склонности заключается неизречимое блаженство, подобное тому, какое вкушают

ангелы неба. Они думают, что если они лишатся радости, проистекающей из славы, почестей и богатства, то не останется уже более никакой радости; тогда как небесная радость тогда только и начинается и бесконечно превосходит первую.

О вере.

108. Никто не может знать, что такое вера в ее сущности, если не знает, что такое благолюбие; ибо, где нет благолюбия, там нет и веры; потому что благолюбие образует одно с верой так, как добро - с истиной; ибо что человек любит, или что он считает для себя драгоценным, есть для него добро, а во что он верит, есть для него истина; из этого видно, что существует такое же соединение (unio) благолюбия с верою, какое существует между добром и истиной. Каково это соединение видно из того, что было прежде сказано о Добре и Истине.

109. Соединение благолюбия с верою таково же, каково соединение воли с разумом в человеке, ибо сии суть две способности, приемлющие добро и истину; воля приемлет добро, а разум - истину; таким же образом эти две способности приемлют благолюбие и веру, потому что добро принадлежит благолюбию, а истина - вере. Что благолюбие и вера находятся у человека, и в нем самом, - известно всякому; а так как они находятся у него и в нем, то ни в чем другом не находятся, как только в его воле и разуме, ибо вся жизнь человека находится в них и происходит из них. У человека есть также память, но она образует только притвор, где собирается то, чему следует войти в разум и волю. Из этого ясно, что соединение благолюбия с верой таково же, каково соединение воли с разумом; каково же оно можно видеть из того, что прежде было сказано о Воле и Разуме.

110. Благолюбие с верой связуются у человека тогда, когда он хочет то, что знает и постигает, ибо хотение принадлежит благолюбию, а знание и постижение - вере. Вера же входит в человека и усваивается им тогда, когда он хочет и любит то, что знает и постигает; до тех пор она вне его.

111. Вера не становится верой у человека, если она не делается духовной; духовной же она не делается, если не делается предметом любви; а делается она тогда, когда человек любит жить жизнью истины и добра, то есть, жить согласно тому, что предписано в Слове.

112. Вера есть склонность к истине, происходящая из хотения истины, потому что она истинна, а хотение истины, потому что она истинна, есть само духовное человека, ибо оно совершенно отлично от его естественного, которое состоит в хотении истины не ради истины, но ради собственной славы, доброго имени, или корысти. Истина, отвлеченная от

такого побуждения, духовна, потому что происходит от Божественного; что же происходит от Божественного, то духовно, и связуется с человеком через любовь; ибо любовь есть духовная связь.

113. Человек многое может знать, мыслить, и понимать; но то, что не согласуется с его любовью, он отбрасывает от себя, когда размышляет, будучи предоставлен самому себе; поэтому после жизни тела, когда он существует лишь в духе, он отбрасывает все несогласное, ибо только то пребывает в духе человека, что вошло в его любовь; после смерти человек взирает на все прочее, как на чуждое, которое, не будучи принадлежностью его любви, выбрасывается из дому. Сказано: в "духе человека", потому что после смерти человек живет духом.

114. Понятие о добре благолюбия и истине веры можно составить по аналогии с солнечным светом и его теплом. Когда свет, происходящий от солнца, соединен с теплом, что бывает весной и летом, тогда все на поверхности земли произрастает и цветет; когда же в свете нет тепла, что бывает зимою, тогда все на поверхности земли цепенеет и умирает: духовный свет есть истина веры, а духовное тепло - любовь. Из этого можно составить себе представление о том, какого свойства человек Церкви, когда в нем вера связана с благолюбием; тогда он подобен саду и раю; и какого он свойства, когда в нем вера не связана с благолюбием; тогда он подобен пустыне и земле, покрытой снегом.

115. Упование или уверенность, которые, как говорят, принадлежат вере и называются спасительной верой, не суть духовные упование и или уверенность, но естественные, если они принадлежат одной только вере, ибо сущность духовного упования или уверенности из добра любви, но не от истины веры, отделенной от любви. Упование отделенной веры - мертво; поэтому истинного упования не может быть у тех, которые ведут дурную жизнь; и само упование на то, что спасение получается ради заслуг Господа пред Его Отцом, независимо от жизни человека, не происходит из истины. Все, находящиеся в духовной вере, имеют упование, что они спасаются Господом, ибо веруют, что Господь в мире, чтобы дать жизнь вечную верующим и живущим по заповедям, которым Он научил, и что Он это делает один, без помощи человека, из чистого милосердия.

116. Веровать в то, чему научает Слово или учение Церкви, и не жить согласно тому, кажется верою, и некоторые мнят даже, что они спасутся посредством такой веры; однако, никто ею одной спастись не может, ибо она есть вера уговорительная (*Fides persuasiva*), о качестве которой теперь будет сказано.

117. Вера уговорительная тогда, когда веруют и любят Слово и учение Церкви не ради истины и с нею согласной жизни, но ради корысти, чести и славы учености. Поэтому находящиеся в такой вере не взирают на Господа и на небо, но на самих себя и мир. Стремящиеся в мире к великому и желающие многого, более убеждены в том, что то, чему научает Церковь, истинно, нежели те, которые не стремятся к великому и не желают многого. Причина сему та, что учение Церкви для них только средство к достижению их собственных целей; поскольку любят средства и веруют в них. В действительности же, поскольку они находятся в огне себялюбия и любви к миру, и из этого огня говорят, проповедуют и действуют, постольку находятся в таком уговорении и тогда они уверены в его истинности; когда же не находятся в огне этих двух родов любви, тогда мало веруют, и по большей части вовсе не веруют. Отсюда явствует, что вера уговора есть вера уст, но не сердца, а потому сама по себе не есть вера.

118. Находящиеся в вере уговора не имеют никакого внутреннего озарения об истинности или ложности учимого; они об этом и не заботятся, лишь бы им верил простой народ; ибо в них нет никакой склонности к истине ради истины; а потому, если лишаются почестей или корысти, то отступают от веры, если от этого не страдает доброе имя; ибо вера уговора находится не внутри человека, но вне его, лишь в его памяти, из которой она извлекается для учения. Поэтому эта вера после смерти исчезает со своими истинами; ибо тогда остается только та вера, которая внутри человека, т.е. которая укоренилась в добре, и таким образом в жизни.

119. Находящиеся в вере уговора понимают под следующим у Ев. Матфея: "многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли Именем бесов изгоняли, и не Твоим ли Именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие". Также у Луки: "Тогда Начнете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды!" (XIII. 26. 27). Также понимают они под пятью неразумными девами, которые не имели елей в светильниках, у Матфея: "После приходят и прочие девы, и говорят: Господи, Господи, отвори нам. Он же сказал им в ответ: Аминь, говорю вам: не знаю вас"(VII. 11. 12). Елей в светильниках есть добро любви в вере.

О набожности.

123. Многие думают, что духовная жизнь, или жизнь, ведущая к небу, состоит в набожности, в святом внешнем, и в отречении от мира; но

набожность без благолюбия, святость внешнего без святости внутреннего, и отречение от мира без жизни в мире, не образуют духовной жизни; образует же ее набожность из благолюбия, святость внешнего из святости внутреннего, и отречение от мира при жизни в мире.

124. Набожность есть благочестивое мышление и говорение, смиренное упражнение в молитвах, частое посещение храмов и благочестивое слушание проповеди, ежегодное приступление к Таинству Причастия, а также исполнение других обрядов, согласно предписаниям Церкви. Жизнь же благолюбия есть благоволение и делание добра ближнему, соблюдение правосудия и справедливости, добра и истины во всех делах и обязанностях; одним словом, жизнь благолюбия состоит в приношении пользы. В такой жизни состоит преимущественно богослужение, во всем же остальном лишь посредственно; поэтому тот, кто отделяет одно от другого, то есть, ведет набожную жизнь, но вместе с тем не ведет жизни благолюбия, тот не чтит Бога; правда, он думает о Боге, но не из Бога, а из самого себя; ибо беспрестанно думает о себе, но не о ближнем, если же и думает о ближнем, то пренебрегает им, если тот с ним несходен; он думает также о небе, как о возмездии; вследствие чего в его душе возникает мысль о собственной заслуге, а также себялюбие, а равно и презрение или небрежение к полезному служению, а посему небрежение и о самом ближнем, и вместе с этим уверенность в своей безгрешности. Из этого ясно видно, что жизнь набожности, отделенная от жизни благолюбия, не есть та духовная жизнь, которая должна быть самым богослужением. (Сравни с Ев. от Матвея, гл. VI. 7. 8.)

125. Святое внешнее подобно такому набожному и преимущественно состоит в том, что человек полагает богослужение в святое внешнее, когда находится в храме, однако, оно свято в человеке, пока свято его внутреннее; ибо каков человек по отношению к своему внутреннему, таков он и по отношению к внешнему, потому что последнее происходит от первого, как действие от своего духа. Поэтому святое внешнее без святого внутреннего - естественно, но не духовно. Отсюда происходит то, что такого рода внешнее бывает, как у злых, так и у добрых; и те, которые полагают богослужение в него, по большей части пусты, то есть, лишены всякого познания добра и истины, хотя добро и истина суть само святое, которое должно знать, в него веровать и любить, потому что оно от Божественного, и в нем Божественное. Итак, святое внутреннее есть любовь к добру и истине ради добра и истины, и любовь к правде и честности ради самой правды и честности. Поскольку человек любит их ради них самих, постольку он и его богослужение духовны, ибо постольку он хочет знать и творить добро и истину; поскольку же человек не любит их таким образом, постольку он и его богослужение естественны, и постольку же он не хочет ни знать, ни творить добра и истины. Внешнее богослужение без внутреннего может быть сравнено с жизнью дыхания

без жизни сердца, а внешнее богослужение, происходящее из внутреннего, - с жизнью дыхания, соединенного с жизнью сердца.

126. Что же касается отречения от мира, то многие думают, что отречься от мира и жить духом, а не плотью, значит отвергнуть мирское, которое преимущественно состоит в богатствах и почестях, и пребывать непрестанно в набожном размышлении о Боге, спасении и жизни вечной, проводить жизнь в молитвах, в чтении Слова и благочестивых книг, а также в посте. Но все это не есть отречение от мира. Истинное отречение от мира есть любовь к Богу и ближнему. Человек любит Бога тогда, когда он живет по Его заповедям; ближнего же - когда приносит ему пользу. Поэтому для того, чтобы человек мог приять жизнь небесную, ему необходимо жить в мире, в его должностях и делах. Жизнь же, отлученная от мира, есть жизнь мысли и веры, отделенных от жизни любви и благолюбия; в такой жизни погибает хотение добра и делание добра ближнему; а когда они погибают, то духовная жизнь подобна дому без основания, который постепенно или садится, или расщеливается и расседается, или колеблется до тех пор, пока не разрушится.

127. Что делание добра есть почитание Господа, ясно видно из слов Господних: "Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке или на земле без основания" (Матв. VII. 24.-27., Лук. VI. 47.- 49.)

128. Из этого теперь ясно, что жизнь набожности ценна и приемлема Господу лишь постольку, поскольку она связана с жизнью благолюбия, ибо сия жизнь первичная, и какова она, такова и первая. Далее, святое внешнее ценно и приемлемо Господу лишь постольку, поскольку оно происходит из святого внутреннего; ибо каково это, таково и первое. Равным образом, отречение от мира ценно и приемлемо Господу лишь постольку, поскольку оно происходит без оставления мира; ибо отрекаются от мира те, которые удаляют от себя себялюбие и любовь к миру, поступают справедливо и честно во всякой обязанности, во всяком деле, и всяком предприятии и труде, из внутреннего, таким образом, из небесного начала. Это начало жизни находится в человеке тогда, когда он поступает хорошо, честно и справедливо, потому что это согласно с Божественными законами.

О совести.

130. Совесть образуется у человека религией, в которой он находится, согласно внутреннему приятию ее.

131. Совесть у человека Церкви образуется посредством истин веры из Слова, или посредством учения из Слова, согласно их приятию в сердце; ибо, когда человек знает истины веры, и на свой лад понимает их, а потом хочет и исполняет, тогда у него создается совесть. Приятие в сердце есть приятие в воле; ибо воля человеческая есть то, что называется сердцем. Отсюда проистекает то, что имеющие совесть, все ими говоримое говорят от сердца, и все ими делаемое делают от сердца. Они также имеют ум (mens) нераздельный, ибо поступают согласно тому, что разумеют и признают за истину и добро.

132. Совесть может быть совершеннее у тех, которые более других озарены истинами веры, и более других находятся в ясном постижении, нежели у тех, которые менее озарены и находятся в темном постижении.

133. В истинной совести находится сама духовная жизнь человека, ибо в ней его вера связана с благолюбием; поэтому для таких людей поступать по совести, значит поступать из своей духовной жизни; а поступать против совести, значит поступать против своей духовной жизни. Отсюда происходит то, что, поступая по совести, они находятся в умиротворении и внутреннем блаженстве; поступая же против нее, испытывают беспокойство и скорбь. Эта скорбь называется угрызением совести.

134. Человек имеет совесть добра и совесть справедливости. Совесть добра есть совесть внутреннего человека, а совесть справедливости - совесть внешнего человека. Совесть добра есть исполнение заповедей веры из внутренней склонности, а совесть справедливости - исполнение гражданских законов из внешней склонности. Имеющие совесть добра, имеют также совесть справедливости, тогда как имеющие совесть справедливости обладают лишь способностью приять совесть добра, и будучи научены, приемлют ее.

135. Совесть у тех, которые находятся в любви к ближнему, есть совесть истинного, потому что она образуется чрез веру истины, у тех же, которые находятся в любви к Господу, - совесть добра, потому что она образуется чрез любовь истины. Совесть сих последних есть совесть высшего рода, и называется постижением (percipitio) истины из добра. Те, которые имеют совесть истины, принадлежат духовному царству Господа, а те, которые имеют совесть высшую, называемую постижением, принадлежат небесному царству Господа.

136. Но пусть примеры объяснят, что такое совесть. Если человек имеет у себя собственность другого, без ведома сего последнего, и таким образом может без опасения закона, или потери чести и доброго имени присвоить ее, но возвращает ее тому, кому она принадлежит, потому что она не его,

то он имеет совесть, ибо делает добро ради добра и справедливое ради справедливого. Так же, если кто-либо может поступить на какую-нибудь должность, но узнает, что ее домогается также другой, который может быть полезнее отечеству, нежели он, и уступает место сему последнему ради блага отечества, тот имеет добрую совесть. Так же обстоит дело и во всем остальном.

137. Из сего можно заключить, каковы те, которые не имеют совести. Они узнаются из противоположного; так, например: если они из корыстолюбивых побуждений заставляют несправедливое казаться справедливым, а злое - добрым, и наоборот, то они не имеют совести; они не знают даже, что такое совесть; и если им говорят, что есть совесть, то не верят тому, а некоторые даже не хотят и знать о ней. Таковы все те, которые делают только для самих себя и мира.

138. Не приявшие совести в мире, не могут приять ее и в будущей жизни, а потому не могут и спастись. Причина тому та, что в них нет основы (planum), в которую втекало и чрез которую действовало бы небо, то есть, Господь посредством неба, привлекая их к себе; ибо совесть есть основа и приемник небесного втечения.

О свободе.

141. Вся свобода принадлежит любви, ибо что человек любит, то он делает свободно. Следовательно, свобода также принадлежит и воле, ибо что человек любит, то он и хочет; а так как любовь и воля образуют жизнь человека, то и свобода образует его жизнь. Из этого ясно, что такое свобода, а именно: она есть то, что принадлежит любви и воле, и, следовательно - жизни человека. Поэтому все, что человек делает свободно, ему кажется происходящим из его собственного.

142. Свобода делать зло кажется свободой, но на самом деле она - рабство, потому что эта свобода происходит из себялюбия и любви к миру, а эти роды любви - из ада. Такая свобода после смерти действительно обращается в рабство, ибо человек, имевший такую свободу, становится тогда в аду подлым рабом; свободное же делание добра есть сама свобода, потому что она происходит из любви к Господу и любви к ближнему, и эти оба рода любви - с неба. Эта свобода остается свободой и после смерти, и делается тогда истинною свободой; ибо человек, имевший ее, становится на небе как бы сыном дома. Господь учит сему так: "Всякий, делающий грех, есть раб греха; но раб не пребывает в доме вечно; Сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит Вас, то истинно свободны будете". (Иоан. VIII. 34. 35. 36.) Но так как все добро от Господа, а все зло из ада, то из этого следует, что свобода

состоит в том, чтобы быть ведомым Господом, а рабство - быть ведомым адом.

143. Человек свободен мыслить, а также делать злое и ложное, поскольку его не удерживают законы, ради того, чтобы он мог быть преобразован; ибо добро и истина, чтобы стать его жизнью, должны быть насаждены в его любовь и волю, что может произойти только тогда, когда он свободен мыслить, как злое и ложное, так и доброе и истинное. Эта свобода дается Господом каждому человеку. Поскольку человек мыслит доброе и истинное, постольку же он не любит злого и ложного, и постольку же Господь насаждает добро и истину в его любовь и волю, следовательно, в его жизнь, и таким образом преобразовывает его. То, что сеется в свободе, пребывает; а что сеется в принуждении, не пребывает; ибо принуждение не проистекает из воли человека, но из воли того, кто принуждает. Поэтому Господу приятно богослужение, происходящее из свободы, но не из принуждения; ибо богослужение, происходящее из свободы, есть богослужение из любви: богослужение же из принуждения не таково.

144. Несмотря на то, что свобода делать добро и свобода делать зло внешне могут казаться сходными, они столь же различны и далеки друг от друга, как небо и ад. Действительно, свобода делать добро происходит с неба и называется небесной свободой; а свобода делать зло происходит из ада и называется адской свободой. Поскольку человек находится в одной, постольку он вне другой: "Ибо никто не может служить двум господам" (Матв.V.24). Это ясно видно из того, что находящиеся в адской свободе считают рабством и принуждением то, что им не позволено по своему произволу хотеть зло и мыслить ложь; тогда как находящиеся в небесной свободе боятся хотеть зло и мыслить ложь, и если бы были принуждены к тому, то ощущали бы мучение.

145. Так как действовать из свободы кажется человеку происходящим из его собственного, то небесная свобода может быть названа небесным собственным; а свобода адская может быть названа адским собственным. Адское собственное есть то, во что человек рождается, и есть зло; а небесное собственное есть то, во что человек преобразовывается, и есть добро.

146. Из этого ясно, что существует произвольная воля, а именно: она есть делание добра из произвола (*arbitrium*) или по собственной воле, а также что те, которые ведомы Господом, находятся в такой свободе; ведомы же Господом те, которые любят добро и истину ради их самих.

147. Человек может узнать, какова его свобода, из услады, которую он испытывает, когда мыслит, говорит, делает, слушает и видит; ибо вся услада из любви.

О заслуге.

150. Делающие добро ради заслуги, делают его не из любви к добру, но из любви к награде; ибо кто хочет заслужить, тот хочет вознаграждения. Те, которые поступают таким образом, видят усладу в награде, а не в добре; поэтому они не духовны, но естественны.

151. Для того чтобы делаемое добро было подлинно добром, оно должно быть сделано из любви к добру, итак, ради него самого. Те, которые находятся в такой любви, не хотят слышать о заслуге, ибо они любят делать его и чувствуют в этом удовлетворение; напротив, они огорчаются, если кто-нибудь думает, что они делают что-либо ради самих себя. Они почти подобны тем людям, которые делают добро друзьям из дружбы, братьям - по причине братства, супруге и детям, потому что они супруга и дети, отечеству, - потому что оно отечество, таким образом, из дружбы и любви. Те, которые благо мыслят, говорят и утверждают также, что они благотворят не ради самих себя, но ради ими благотворимых.

152. Те, которые делают добро ради награды, не делают добра от Господа, но от себя; ибо взирают на собственное благо; на благо же ближнего, то есть благо согражданина, человеческого общества, отечества и Церкви они взирают, как на средство к достижению своей цели. Отсюда происходит то, что в добре, сделанном ради награды, скрывается добро себялюбия и любви к миру; это же добро от человека, а не от Господа; все же добро, происходящее от человека, не есть добро, потому что, поскольку себялюбие и любовь к миру скрываются в нем, постольку оно зло.

153. Истинное благолюбие и истинная вера лишены всякой мысли о заслуге; ибо услада благолюбия есть само добро; а услада веры - сама истина; поэтому те, которые находятся в таком благолюбии и вере, знают какво добро, чуждое мысли о заслуге, тогда как те, которые не находятся в благолюбии и вере, этого не знают.

154. Что не следует делать добра ради награды, учит сам Господь у Луки: "Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. Но вы любите врагов ваших и благотворите и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего" (VI. 32. 33. 34. 35). Что человек не может делать добра из себя, которое было бы добром, Господь учит также у Иоанна: "Не может человек взять ничего, если не будет дано ему с неба" (III. 27). И в другом месте Иисус сказал: "Я есмь виноградная лоза, а вы ветви. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Кто пребывает во Мне, и Я в нем,

тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего" (XV. 4-8).

155. Так как все добро и вся истина от Господа, а не от человека, и так как добро от человека не есть добро, то, следовательно, ни одному человеку не принадлежит заслуга, но одному только Господу. Заслуга Господа состоит в том, что Он собственным могуществом спас род человеческий, а также спасает тех, которые делают добро от Него при Его помощи. Поэтому "праведником" в Слове называется тот, кому приписывается заслуга и правосудие Господа, а "неправедным" тот, кому приписывается собственное правосудие и собственная заслуга.

156. Сама услада, присущая любви делать добро без надежды на возмездие, есть награда, пребывающая во веки, ибо в это добро насаждается Господом небо и вечное блаженство.

157. Мыслить и веровать, что на небо приходят те, которые делают добро, и что добро должно быть делаемо для того, чтобы придти на небо, не есть положение заслуги в свои дела; ибо так мыслят и веруют также и те, которые делают добро от Господа; те же, которые так мыслят, веруют и делают, не находясь в добре ради самого добра, взирают на одну только награду, и полагают заслугу в свои дела.

О покаянии и отпущении грехов.

159. Кто хочет спастись, тот должен исповедовать свои грехи и творить покаяние.

160. Исповедание грехов есть познание зла, зрение его в себе, признание его, обвинение и осуждение себя за него. Когда это делается пред Богом, то сие есть исповедание грехов.

161. Творение покаяния есть оставление грехов и ведение новой жизни, по заповедям благолюбия и веры, после исповедания грехов и моления от смиренного сердца об отпущении их.

162. Кто только в общем признается, что он грешник и обвиняет себя во всяком зле, а между тем не испытывает самого себя, то есть, не видит своих грехов, тот, хотя и творит исповедь, все же не исповедь покаяния; и так как он не знает своего зла, то после покаяния живет так же, как жил до того.

163. Кто живет жизнью благолюбия и веры, тот ежедневно творит покаяние, размышляет о зле, которое в нем, признает его, остерегается его

и молит Господа о помощи; ибо человек сам по себе падает беспрестанно, но Господом беспрестанно восстанавливается и ведется к добру. Таково состояние тех, которые находятся в добре; те же, которые во зле, беспрестанно падают, и тоже Господом беспрестанно восстанавливаются, но они лишь отводятся от того, чтобы не впасть в величайшее зло, к которому из себя они стремятся со всей силой.

164. Человек, испытывающий себя ради покаяния, должен испытывать свои помышления и намерения своей воли; и из них узнавать, что бы он стал делать, если бы все ему было позволено, то есть, если бы он не боялся законов, потери славы, чести и выгод. В помышлениях и намерениях воли заключается все зло человека; зло, которое человек делает телесно, происходит из них. Те, которые не испытывают зла своих мыслей и воли, не могут творить покаяния; ибо после покаяния они мыслят и хотят одинаковым образом, как и до того; поэтому хотение зла уже есть делание его. Таково испытание самого себя.

165. Покаяние уст, а не жизни, не есть покаяние. Грехи не отпускаются вследствие покаяния уст, но вследствие покаяния жизни. Господь непрестанно отпускает грехи человеку, ибо Он само Милосердие; но грехи прилеплены к человеку, как бы он ни думал, что они ему отпущены; они не иначе удаляются от него, как чрез жизнь согласно заповедям истинной веры. Поскольку он живет согласно им, постольку они удалены, постольку они отпущены ему.

166. Люди думают, что когда грехи отпускаются, то они стираются и смываются, как нечистота водою; в действительности же грехи не стираются, а только удаляются, то есть, человек удерживается от них, пока он содержится Господом в добре; поэтому, когда он содержится в добре, то ему кажется, что он безгрешен, и что, таким образом, грехи стерты; а содержаться в добре он может лишь тогда, когда он преобразовывается. Каким образом человек преобразовывается, будет сказано в следующем учении о возрождении. Кто думает, что грехи отпускаются иначе, тот весьма ошибается.

167. Признаки прощения грехов, то есть, их удаления, суть следующие: человек чувствует усладу в почитании Бога ради самого Бога, и в служении ближнему ради ближнего; таким образом, в делании добра ради добра, и в говорении истины ради истины; и, поступая по благолюбию и вере, он не присваивает себе заслуги: избегает и отворачивается от зла, как-то: от вражды, ненависти, мщения, прелюбодеяния, и даже от самой мысли о них, когда она сопряжена с намерением. Признаки неотпущения грехов, то есть, неудаения их, суть следующие: человек почитает Бога не ради Бога, и служит ближнему не ради ближнего; итак, не делает добра и не говорит истины ради добра и истины, но ради себя и мира, желая

посредством своих дел приобрести заслугу; поэтому зло, как то: вражда, ненависть, лицемерие, прелюбодеяние не доставляет ему неудовольствия и он свободно из них мыслит.

168. Покаяние, свершаемое в состоянии свободы, имеет значение; свершаемое же в принуждении, не имеет. Состояния принуждения суть: состояние болезни, уныния души вследствие несчастья, боязнь смерти и состояние страха, в котором утрачивается рассудок. Злой человек, обещающий, в состоянии принуждения, покаяться и даже делающий добро, приходя в состояние свободы, опять возвращается к прежней злой жизни. Иначе обстоит дело с добрым человеком.

169. Человек, испытав себя, признав свои грехи и покаявшись в них, должен постоянно пребывать в добре до конца жизни; ибо если он опять впадает в прежнюю злую жизнь и к ней привязывается, то свершает осквернение, ибо связует зло с добром, вследствие чего его последнее состояние делается хуже первого, согласно словам Господа: "Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит его; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И пришедши, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злее себя, и вошедши, живет там: и бывает для человека того последнее хуже первого". (Матв. XII. 43. 44. 45.)

О возрождении.

173. Кто не воспринимает духовной жизни, то есть, кто не возрождается Господом, тот не может придти на небо; сему учит Господь у Иоанна: "аминь, аминь говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия". (III.3.)

174. Человек не рождается своими родителями в жизнь духовную, но в жизнь естественную. Жизнь духовная есть всепревышающая любовь к Богу и любовь к ближнему, как к самому себе, согласно предписаниям веры, данным Господом в Слове; жизнь же естественная есть себялюбие и любовь к миру, превышающие любовь к ближнему и даже к самому Богу.

175. Каждый человек рождается своими родителями во зло себялюбия и любви к миру. Всякое зло, которое чрез навик обращается как бы в природу, переходит в потомство; и так постепенно от родителей, дедов, прадедов в обратном порядке. Поэтому постепенно переносимое зло, наконец, становится столь многочисленным, что вся жизнь собственного человека становится ничем иным, как злом. Это непрерывное перенесение

не прерывается и не изменяется ничем иным, как жизнью веры и благолюбия, происходящих от Господа.

176. Человек непрестанно увлекается и в то, что он получил по наследству, благодаря чему он утверждает в себе это зло и из себя к нему прибавляет новое. Это зло совершенно противоположно жизни духовной и разрушает ее. Поэтому, если человек не воспримет от Господа новой жизни, которая есть жизнь духовная, итак, если не зачнется, не родится и не воспитается снова, другими словами, не будет снова сотворен, то будет осужден; ибо он, подобно тому, как поступают в аду, ничего другого не хочет и не думает, как только того, что относится к нему самому и миру.

177. Никто не может возродиться, если он не знает того, что принадлежит новой жизни, то есть, жизни духовной. Принадлежащее духовной жизни есть истина, в которую должно верить, и добро, которое должно делать; первое принадлежит вере, а последнее - благолюбию. Знать эти предметы никто не может из самого себя, ибо человек понимает только то, что открывается его чувствам; из них он почерпает себе свет, называемый естественным, и из него он ничего другого не видит, как только то, что принадлежит миру и ему самому, а не то, что принадлежит небу и Богу. Последнему он научается из Откровения; так, например: что Господь, который есть Бог от вечности, пришел в мир для спасения рода человеческого; что Он имеет всю власть на небе и на земле; что всё веры и благолюбия, таким образом, всё истинное и доброе происходит от Него; что есть небо и ад; что человек будет жить вечно на небе, если поступал хорошо, и в аду, если поступал худо.

178. Это и многое другое принадлежит вере и возрождающийся человек должен это знать, ибо кто знает, тот может об этом думать, затем хотеть и, наконец, делать, - и таким образом обрести новую жизнь. Кто не знает, что Господь есть Спаситель рода человеческого, не может иметь веры в Него, любить Его, и таким образом делать добро ради Него. Кто не знает, что все добро происходит от Господа, не может думать, что его спасение - от Него, еще менее может желать того, чтобы это было так, вследствие чего не может и жить из Него. Кто не знает, что есть ад и что есть небо, ни того, что есть вечная жизнь, тот не может и думать о небесной жизни, ни приготавливать себя к приятию ее. Подобное видно и во всем остальном.

179. В каждом есть человек внутренний и человек внешний. Внутренний есть тот, который называется духовным человеком, а внешний - тот, который называется естественным. Для того, чтобы человек возродился, как тот, так и другой должны быть возрождены. У невозрожденного человека внешний или естественный человек господствует, а внутренний служит; у человека же возрожденного внутренний или духовный человек господствует, а внешний служит. Из этого ясно, что у человека от

рождения порядок жизни извращен, а именно: то, что должно господствовать - служит, а что должно служить - господствует. Дабы человек мог спастись, этот порядок должен быть изменен. Это изменение не может произойти иначе, как чрез возрождение от Господа.

180. Что означает господствование внутреннего человека и служение внешнего, и наоборот, можно показать следующим образом: если человек все свое благо видит в наслаждении, в корысти, в гордости и находит усладу в ненависти и лицемерии, и внутренне подыскивает в себе обоснование всему этому, тогда внешний человек господствует, а внутренний служит. Когда же человек воспринимает добро и усладу в благом, искреннем и справедливом мышлении и хотении, и внешне - в соответствующем говорении и делании, тогда внутренний человек господствует, а внешний служит.

181. Господом возрождается сперва внутренний человек, а потом внешний, и этот последний посредством первого, ибо внутренний человек возрождается чрез мышление о том, что принадлежит вере и благолюбию, внешний же чрез жизнь согласно им. Это разумеется в словах Господа: "Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие". (Иоанн III.5.) Вода в духовном смысле есть истина веры, а дух - жизнь согласно ей.

182. Человек возрожденный, по отношению к своему внутреннему человеку, находится на небе, и там он ангел среди ангелов, к которым он вступает после смерти. Тогда он может жить жизнью небесною, любить Господа и ближнего, понимать истину, разуметь добро и воспринимать приистекающее от сего блаженство.

Об искушении.

187. Только те, которые возрождаются, подвергаются духовным искушениям; ибо духовные искушения суть скорбь духа, причиняемые злыми духами тем, которые находятся в добре и истине. Когда они возбуждают находящееся в них зло, возникает тоска искушения. Человек не знает, откуда она, потому что не знает ее происхождения.

188. У каждого человека находятся злые духи и добрые духи; злые духи находятся в его зле, а добрые духи в его добре. Когда злые духи приближаются, то они вызывают его зло, наоборот добрые духи вызывают его добро; вследствие этого происходит столкновение и брань, создающие внутреннюю тоску, которая есть искушение. Из этого явствует, что искушения происходят из ада, но не с неба; что также согласно с верой Церкви, которая учит, что Бог никого не искушает.

189. Бывает также внутренняя тоска и у тех, которые не находятся в добре и истине; однако, она естественна, а не духовна. Они различаются тем, что естественная тоска имеет своим предметом мирское, тогда как духовная тоска - небесное.

190. В искушениях дело касается господствования добра над злом, или зла над добром. Зло, которое хочет господствовать, находится в естественном или внешнем человеке, а добро - в духовном или внутреннем человеке. Если зло побеждает, тогда господствует естественный человек; если же побеждает добро, тогда господствует духовный человек.

191. Брань это происходит чрез истины веры из Слова. Посредством их человек должен бороться со злом и ложью; если он борется посредством чего либо другого, то он не побеждает, потому что ни в чем другом нет Господа. Так как брань происходит посредством истины веры, то человек допускается в нее не раньше, чем тогда, когда он находится в познании истины и добра, и из них приобретает некоторую долю духовной жизни; поэтому эта брань происходит в человеке не раньше, чем тогда, когда он приходит в зрелый возраст.

192. Если человек побеждается, то состояние его делается после искушения хуже прежнего; потому что тогда зло приобретает господство над добром, а ложь над истиной.

193. Так как в настоящее время вера встречается редко, потому что нет благолюбия, ибо Церковь находится при конце своем, то очень мало людей допускается ныне до каких-либо духовных искушений; поэтому людям едва известно, что есть искушения, и чему они служат.

194. Искушения служат доставлению господства добру над злом, и истине над ложью; также утверждению истины и связи ее с добром, и вместе с тем рассеянию зла и из него происходящей лжи. Они служат также открытию внутреннего духовного человека и покорению ему естественного, а также преодолению себялюбия и любви к миру и укрощению из них проистекающих похотей. Когда это достигается, тогда человеку дается озарение и постижение того, что истинно и добро, и что ложно и зло; благодаря чему человеку дается разумение и мудрость, которые потом возрастают изо дня в день.

195. Господь один борется за человека в искушениях; если человек не верит тому, что Господь один борется и побеждает для него, тогда он подвергается лишь внешнему искушению, которое не приносит ему пользы.

О крещении.

202. Крещение установлено в знак того, что человек принадлежит Церкви, и в напоминание о том, что он должен возродиться, ибо омовение крещения есть не что иное, как омовение духовное, которое есть возрождение.

203. Всякое возрождение свершается Господом посредством истин веры и жизни согласно им. Поэтому крещение свидетельствует о том, что человек принадлежит церкви и что он может возродиться; ибо в Церкви признается Господь, который возрождает и у нее есть Слово, заключающее в себе истины веры, чрез которые происходит возрождение.

204. Сему учит Господь у Иоанна: "Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие" (III. 5). Вода, в духовном смысле, есть истина веры из Слова; дух - жизнь согласно ей; а родиться - значит возродиться посредством них.

205. Так как все возрождающиеся подвергаются искушениям, которые суть духовная брань со злом и ложью, то через воду крещения означаются также искушения.

206. Так как крещение установлено в знак и напоминание сего, то человек может быть крещен во младенчестве; если же он не был тогда крещен, то может быть крещен взрослым.

207. Итак, пусть знают те, которые крещены, что само крещение не дает ни веры, ни спасения, но свидетельствует лишь о том, что они примут веру и спасутся, если возродятся.

208. Из этого ясно, что разумеется под словами Господа у Марка: "Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет" (XVI. 16). "Кто будет веровать" есть тот, кто признает Господа и принимает от Него Божественные истины через Слово; а "кто крестится" есть тот, кто посредством их возрождается Господом.

О Тайной Вечери.

210. Тайная вечеря установлена Господом, дабы посредством ее существовала связь Церкви с небом и, следовательно, с Господом; поэтому Тайная Вечеря есть самая священная часть богослужения.

211. Но того, каким образом чрез нее создается связь, не понимают те, которые ничего не знают о внутреннем или духовном смысле Слова; потому что их мысли не простираются далее внешнего смысла, который есть смысл буквальный. Из внутреннего или духовного смысла Слова познается, что означают тело и кровь, хлеб и вино, а также ядение.

212. В этом смысле тело или плоть Господа, а также хлеб, суть добро любви; а кровь Господа, а также вино - добро веры, ядение же - усвоение и связь. Ангелы, находящиеся у человека, который приступает к Таинству Причащения, иначе не понимают сего, ибо они все понимают духовно; вследствие этого святое любви и святое веры втекают от ангелов в человека, итак, чрез небо от Господа, благодаря чему создается связь.

213. Из этого ясно, что человек, вкушая хлеб, который есть тело, связуется с Господом чрез добро любви к Нему, от Него происходящее; а вкушая вино, которое есть кровь, связуется с Господом чрез добро веры в Него, от Него происходящее. Должно, однако ж, знать, что связь с Господом посредством Таинства Причащения создается только в тех, которые находятся в добре любви и веры в Господа от Него происходящих. У этих, посредством Тайной Вечери, создается связь, у прочих же - лишь присутствие Его, а не связь.

214. Кроме того, Тайная Вечеря заключает и объемлет в себе все богослужение, установленное в Израильской Церкви; ибо всесожжения и жертвы, из которых преимущественно состояло богослужение этой Церкви, были обозначены одним словом "хлеб"; вследствие этого также и Тайная Вечеря есть исполнение сего богослужения.

О воскресении.

223. Человек сотворен так, что по отношению к своему внутреннему он не может умереть; ибо он может веровать в Бога, а также любить Его, и, таким образом, быть связанным с Богом, значит, жить вечно.

224. Это внутреннее находится в каждом человеке, который рождается; его внешнее же есть то, посредством чего он выполняет то, что принадлежит вере и любви. Внутреннее есть то, что называется духом, а внешнее, что называется телом. Внешнее, называемое телом, приспособлено для служения в мире естественном; оно сбрасывается, когда человек умирает; внутреннее же, называемое духом, приспособлено для служения в мире духовном; оно не умирает. Это внутреннее тогда становится добрым духом и ангелом, если человек в мире был добр, или злым духом, если человек в мире был зол.

225. Дух человека, после смерти тела, является в мире духовном в человеческом образе совершенно таким же, каким он был в мире. Он также наслаждается способностью видеть, слышать, говорить и чувствовать, как и в мире, и сохраняет всю способность мыслить, хотеть и действовать, как в мире; одним словом, он человек, как в общем, так и в частном, за исключением того, что он не облечен в грубое тело, которое имел в мире. Умирая, он оставляет тело, и никогда больше не принимает его.

226. Продолжение жизни есть то, что понимается под воскресением. Что люди думают, что они воскреснут не раньше Страшного Суда, когда погибнет все, видимое в мире, происходит оттого, что они не понимают Слова, а также потому, что чувственные люди, полагая жизнь в тело, думают, что если оно не оживет, то не будет больше и человека.

227. Жизнь человека после смерти есть жизнь его любви и веры. Поэтому, какой была его любовь и вера во время жизни в мире, такой она остается на веки: жизнь ада у тех, которые превыше всего любили себя и мир; а жизнь неба у тех, которые превыше всего любили Бога, ближнего же, как самих себя: эти суть те, которые имеют веру, первые же суть те, которые не имеют ее. Жизнь неба называется жизнью вечной, а жизнь ада - духовной смертью.

228. Что человек живет и после смерти, сему учит Слово, например: что Бог не есть Бог мертвых, но Живых (Матв, XXII.31); также что Лазарь после смерти был вознесен на небо, богатый же ввержен в ад (Лук. XVI.22.23 и след.); что там находятся Авраам, Исаак и Иаков (Матв. VIII. 11. XXII. 31. 32. Лук. XX. 37. 38.); а также из слов разбойнику: "ныне же будешь со Мною в раю". (Лук. XXIII. 43).

О небе и аде.

230. Двойное образует жизнь духа человека: любовь и вера. Любовь образует жизнь его воли, а вера - жизнь его разума. Любовь к добру и, из нее, вера в истину образуют жизнь неба; любовь же ко злу и, из нее, вера в ложь образуют жизнь ада.

231. Любовь к Господу и любовь к ближнему создают небо, а также и вера; однако последняя только по мере жизни, которую она имеет из этих двух родов любви. Так как эти оба рода любви и, из них, вера происходят от Господа, то ясно, что сам Господь образует небо.

232. Небо находится в каждом человеке согласно приятию им любви и веры от Господа; и те, которые, во время жизни своей в мире, приемлют небо от Господа, - после смерти вступают на небо.

233. Приемлющие небо от Господа, суть те, которые имеют небо в себе; ибо небо находится в человеке, чему также учит Господь: "Не будут говорить: Царствие Божие вот здесь, или вот там; ибо Царство Божие внутри вас есть" (Лук. XVII. 21).

234. Небо находится у человека в его внутреннем; итак, в хотении и мышлении из любви и веры, и отсюда во внешнем, которое состоит в делании и говорении из любви и веры. Но небо не заключается в одном внешнем без внутреннего; ибо хорошо поступать и говорить могут также и лицемеры; тогда как они не могут ни хорошо хотеть, ни хорошо мыслить.

235. Когда человек вступает в другую жизнь, что происходит тотчас же после смерти, тогда только открывается, есть ли в нем небо, а не тогда, когда он живет в мире. Ибо в мире является только внешнее, а не внутреннее, потому что человек живет тогда по духу.

236. Вечным блаженством, называемым также небесной радостью, наслаждаются те, которые находятся в любви и вере в Господа, от Господа. Эти любовь и вера заключают в себе такую радость. Человек, имеющий в себе небо, вступает в нее после смерти; до того она сокрыта в его внутреннем. На небе существует общение всех благ; мир, разумение, мудрость и блаженство всех, сообщаются там каждому; но только согласно восприятию каждым любви и веры от Господа. Отсюда явствует, сколь велики мир, разумение, мудрость и блаженство на небе.

237. Каким образом любовь к Господу и любовь к ближнему образуют в человеке жизнь неба, таким же образом себялюбие и любовь к миру, поскольку они господствуют в человеке, образуют в нем жизнь ада; ибо эти два рода любви совершенно противоположны первым двум. Поэтому люди, в которых господствует себялюбие и любовь к миру, не в состоянии ничего принять с неба; но все, что ни воспринимают они, воспринимают из ада, ибо всё, что человек любит, и чему он верит, проистекает или с неба, или из ада.

238. Те, в которых господствует себялюбие и любовь к миру, не знают, что есть небо и блаженство неба; им даже кажется невероятным, что блаженство может состоять в иной любви, чем та, в которой они сами находятся, тогда как блаженство неба наступает лишь постольку, поскольку эти роды любви, как цели, удаляются. Блаженство же, которое

заступает их место, столь велико, что превышает всякое понятие человеческое.

239. Жизнь человека после смерти не может быть изменена; она остается такой, какой она была; ибо дух человека во всех отношениях таков, какова его любовь, и любовь адская не может быть превращена в любовь небесную, потому что они противоположны. Это разумеется под словами Авраама к богатому в аду: "Между нами и вами великая пропасть утверждена, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят" (Лук. XVI.26.). Отсюда явствует, что нисходящие в ад, пребывают там вечно, а вступающие в небо, пребывают там вечно.

О Церкви.

241. То, что у человека образует небо, - образует также и Церковь; ибо как любовь и вера образуют небо, так они образуют и Церковь; следовательно, из того, что было прежде сказано о небе, явствует и то, что есть Церковь.

242. Церковь находится там, где признается Господь, и где есть Слово; ибо сущность Церкви есть любовь и вера в Господа от Господа; при чем Слово учит, каким образом человек должен жить, чтобы принять любовь и веру от Господа.

243. Для того чтобы существовала Церковь, должно существовать учение из Слова; потому что без учения Слово не может быть понятно. Все же одно учение, само по себе, не образует Церкви в человеке, ее образует жизнь, согласная с учением. Из этого следует, что вера одна не образует Церкви, но жизнь веры, которая есть благолюбие. Подлинное учение есть учение благолюбия и вместе с тем и веры, а не учение веры без учения благолюбия; ибо учение благолюбия и веры есть учение жизни, но не учение веры без учения благолюбия.

244. Те, которые находятся вне Церкви и признают одного Бога, и, согласно своему исповеданию, живут в некотором благолюбии по отношению к ближнему, находятся в общении с теми, которые принадлежат к Церкви; потому что никто из верующих в Бога и хорошо живущих не осуждается. Из сего явствует, что Церковь Господня находится везде, на всем земном шаре, хотя в частности она только там, где признается Господь и где есть Слово.

245. Всякий человек, у которого насаждена Церковь, спасается; а всякий, у которого нет Церкви, осуждается.

О Священном Писании или Слове.

249. Без откровения из Божественного человек не в состоянии что либо знать о жизни вечной, о Боге, и еще менее о любви и вере в Него; ибо человек рождается в совершенном неведении, и потом лишь научается всему из предметов мира, посредством которых он образует свой разум. Он также по наследству рождается во зле, которое происходит из себялюбия и любви к миру. Проистекающие из них наслаждения владеют им непрестанно, и внушают ему совершенно противоположное Божественному. Отсюда происходит то, что человек ничего не знает о жизни вечной: поэтому необходимо откровение, из которого он может это узнать.

250. Что зло себялюбия и любви к миру производит такое неведение о предметах вечной жизни, ясно видно в находящихся в Церкви, которые, хотя и знают из откровения, что есть Бог, что есть небо и ад, что есть жизнь вечная, и что эта жизнь должна быть приобретаема чрез добро любви и веры, все же, как ученые, так и неученые, впадают в отрицание этих истин. Из сего тоже видно, сколь велико было бы неведение, если бы не было откровения.

251. Так как человек живет после смерти, и живет вечно, при чем его ожидает жизнь, соответствующая его любви и вере, то ясно, что Божественное (Divinum), из любви к роду человеческому, не могло не открыть того, что ведет к этой жизни и служит спасению. То, что Божественное открыло, есть у нас Слово.

252. Слово, будучи Божественным откровением, Божественно в общем и в частном; ибо все, что происходит из Божественного, не может быть ничем иным. Что происходит из Божественного, то нисходит чрез небеса до человека; будучи приспособлено, на небесах, к мудрости ангелов, находящихся там, а на земле - к пониманию людей, на ней находящихся. По этой причине в Слове существует внутренний смысл, то есть, духовный - для ангелов, и внешний смысл, то есть, естественный - для людей; благодаря этому существует связь неба с человеком посредством Слова.

253. Подлинный смысл Слова разумеют лишь те, которые находятся в озарении; а озаряются лишь те только, которые находятся в любви к Господу и вере в Него; потому что их внутренне возвышается Господом в свет неба.

254. Слово, в его буквальном смысле, может быть понято не иначе, как чрез учение из Слова, почерпнутом человеком озаренным: Буквальный

смысл его приспособлен пониманию людей, даже простых; поэтому они нуждаются в учении из Слова, как в светильнике.

266. Книги, составляющие Слово, суть все те, которые имеют внутренний смысл; не имеющие смысла внутреннего не составляют Слова. Книги, составляющие Слово, в Ветхом Завете суть: Пятикнижие Моисеево, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израелевых, четыре Книги Царств, Псалтирь, все Пророки (Исайа, Иеремия, Плачь Иеремии, Иезекииль, Даниил, Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия) и, в Новом Завете, четыре Евангелия (Матфея, Марка, Луки и Иоанна), и Откровение Иоанна Богослова. Прочие внутреннего смысла не имеют.

О Провидении.

267. Правление Господа на небесах и на земле называется Провидением. Так как все добро любви и вся истина веры, чрез которые - спасение, происходят от Него, но никак не от человека, то ясно, что Божественное Провидение Господа находится как в общем, так и в частном всего того, что служит спасению рода человеческого. Сему Господь учит у Иоанна таким образом: "Я есмь путь, истина и жизнь" (XIV.6). И в другом месте: "Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне; ибо без Меня не можете делать ничего" (XV. 4. 5).

268. Божественное Провидение Господа простирается на все частности жизни человека; ибо существует только один источник жизни - Господь, из которого мы все существуем, живем и действуем.

269. Те, которые думают о Божественном Провидении по мирскому, заключают, что Провидение существует только в общем, частности же зависят от человека; однако эти люди не знают тайн неба, ибо они заключают единственно из себялюбия и любви к миру и их услаждений. Поэтому, когда они видят, что злые возвышаются в почестях и приобретают богатства, преимущественно пред добрыми, и что злым удаются их хитрости, то говорят в своем сердце, что этого не могло бы быть, если бы Божественное Провидение действовало в общем и в частном. Но они не думают о том, что Божественное Провидение обращает внимание не на скоротечное и кончающееся вместе с жизнью человека в мире, но на то, что пребывает вечно, следовательно, на то, что не имеет конца. Что не имеет конца, то существует, а что имеет конец, то сравнительно - не существует. Кто может, пусть подумает, значат ли что-нибудь сто тысяч лет пред вечностью; и он поймет, что они ничто. Что же значат тогда несколько лет жизни в мире?

270. Здравомыслящий человек может понять, что высокое звание и богатство в мире не являются действительными благословениями Божьими, хотя человек из любви к ним и называет их таковыми, ибо они преходящи и даже соблазняют многих, и отвращают от неба; но что действительными благословениями, проистекающими из Божественного, является жизнь вечная и ее блаженство. Сему также учит Господь у Луки: "Собирайте себе сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет" (X11. 33.34).

271. Что злым удаются их хитрости, происходит оттого, что согласно Божественному порядку каждый, все им делаемое, должен творить из своего рассудка и свободы. Поэтому, если бы человеку не было предоставлена свобода действия, согласно его рассудку из свободы, а потому если бы хитрости, которые из них проистекают, не удавались бы, то человек никак не мог бы быть расположен к приятию жизни вечной; ибо она входит в его внутренне тогда, когда человек находится в свободе и его рассудок озарен. По этой причине никто не может быть принужден к добру, ибо все принужденное не укореняется в человеке, потому что оно не есть его собственное; только то становится собственностью человека, что он делает из свободы согласно своему рассудку; а из свободы он делает то, что делает из своей воли или любви; ибо воля или любовь есть сам человек. Если бы человек был принуждаем к тому, чего он не хочет, то его душа все же склонялась бы к тому, чего он хочет. Кроме того, каждый человек стремится к запрещенному, и скрытой причиной сего является стремление каждого к свободе. Отсюда явствует, что если бы человек не был содержим в свободе, то для него не могло бы быть предусмотрено никакое добро.

272. Предоставление человеку свободы мыслить, хотеть и даже делать зло, поскольку тому не препятствуют законы, называется Попущением.

273. Быть ведомым своим ухищрениями к благам мира кажется человеку происходящим от его собственного благоразумия, хотя и тогда Божественное Провидение сопутствует ему, попуская и непрестанно отводя от зла; когда же он ведется к небесному блаженству, то он знает и постигает, что оно не происходит из собственного благоразумия, потому что оно от Господа и дается согласно Его Божественному Провидению, которое располагает и непрестанно ведет человека к добру.

274. Что это так, человек не может понять из естественного света, ибо из него он не знает законов Божественного Порядка.

275. Надобно знать, что существуют Провидение и Предвидение. Добро есть то, что Господь провидит, а зло есть то, что Он предвидит. Одно сопутствует другому, потому что то, что происходит от человека, есть ничто иное, как зло, а что от Господа - ничто иное, как добро.

О Господе.

280. Бог един; Он есть Творец и Вседержитель вселенной: следовательно, Он есть Бог неба и Бог земли.

281. Два предмета образуют у человека небесную жизнь: добро любви и истина веры. Эта жизнь у человека от Бога, и ничто от него самого. Поэтому признавать Бога, веровать в Бога и любить Его есть самое главное Церкви.

282. Рожденные в Церкви, должны признавать Господа, Его Божественное и Его Человеческое, веровать в Него и любить Его; ибо от Господа проистекает все спасение. Сему учит Господь у Иоанна: "Верующий в Сына, имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына, не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем" (111.36). У него же: "Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день" (V1. 40). У него же: "сказал Иисус: Я есмь Воскресение и жизнь: верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет во век" (X1.25. 26).

283. Поэтому те, которые находятся в Церкви и не признают Господа и Его Божественного, не могут быть связаны с Богом, а потому не могут иметь с ангелами на небе ничего общего, ибо никто не может быть связан с Богом иначе, как только Господом и в Господе. Что никто не может быть связан с Богом иначе, как только Господом, сему учит Господь у Иоанна: "Бога никто не видал; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (1. 18). У него же: "Ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели" (V. 37). У Матвея: "Никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть" (X1. 27). И у Иоанна: "Я есмь путь, и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня" (X1V.6). Что никто не может быть связан с Богом иначе, как в Господе, происходит оттого, что Отец в Нем, и Они суть одно, согласно тому, чему Он учит у Иоанна: "Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего... Филипп! видевший Меня, видел Отца... Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне" (X1V.7 до 11), и у него же: "Я и Отец - одно... Верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем" (X. 30. 38).

284. Так как Отец - в Господе, и Отец и Господь суть одно, и так как должно в Него веровать, и верующий в Него имеет жизнь вечную, то ясно, что Господь есть Бог. Что Господь есть Бог, сему учит Слово у Иоанна: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Все чрез Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. И Слово стало плотью и обитало с нами; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца" (Иоан.1. 2. 14). У Исаии: "Младенец родился нам, Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему... Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира" (1X. 6). У него же: "Дева в чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: "С нами Бог" (V11. 14., Матв. 1. 23). И у Иеремии: "Вот наступают дни, говорит Господь, и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро... и вот - имя Его, которым будут называть Его: Иегова - оправдание наше" (XX111. 5. 6., гл. XXX111. 15. 16).

285. Все, принадлежащие к Церкви и находящиеся в свете неба, видят Божественное в Господе; те же, которые не находятся в свете неба, ничего другого не видят в Господе, как только Человеческое; тогда как Божественное и Человеческое в Нем соединены так, что образуют одно. Этому также учит Господь у Иоанна: "Отче, все Мое - Твое, и Твое - Мое" (XV11. 10).

286. Что Господь зачат от Иеговы Отца, а потому от самого зачатия есть Бог, известно в Церкви, а равно и то, что Он воскрес со всем Своим телом, ибо Им не было ничего оставлено в гробу. В этом он удостоверил впоследствии учеников, сказав им: "Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это - Я сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня" (Лук. XX1V.39.). И хотя Он был человеком по отношению к плоти и костям, Он все же проходил сквозь запертые двери и после Своего явления делался незримым. (Иоан. XX, 19. 26; Лук. XX1V, 31). Иначе обстоит дело с каждым человеком, потому что он восстает только по духу, но не телу. Поэтому, говоря, что Он несходен с духом, Господь говорил, что Он несходен с другим человеком. Из этого явствует, что и Человеческое в Господе Божественно.

287. Бытие жизни (Esse), называемое душой, во всяком человеке от отца; существование же из него есть то, что называется телом. Поэтому тело есть образ души, ибо душа посредством его проявляет свою жизнь по своему произволу. Вследствие этого люди рождаются по подобию своих родителей и по нему различаются семейства. Из этого ясно, какое Тело или какое Человеческое имел Господь, а именно: оно было подобно самому Божественному, которое было Бытием Его жизни или Душой от Отца; поэтому Им сказано: "Видевший Меня, видел Отца" (Иоанн. X1V, 9.).

288. Что Божественное и Человеческое Господа есть одно Лицо, согласно с принятым во всем Христианском мире догматом веры, который гласит так: "хотя Христос есть Бог и Человек, все же Он не два, но один Христос; Он совершенно един и одно Лицо; ибо как тело и душа суть один человек, так и Бог и Человек - один Христос", - Это взято из Символа Веры Афанасия.

289. Те, которые имеют представление о Божестве в Трех Лицах, не могут иметь представления об одном Боге; если они и произносят устами, что Он один, то, тем не менее, мыслят о трех. Те же, которые имеют представление Трех в одном Лице, могут иметь представление об одном Боге; они могут исповедывать одного Бога, а также думать об одном Боге.

290. Понятие о Трех в одном Лице люди имеют тогда, когда мыслят, что Отец находится в Господе, и что Дух Святый исходит от Него. Тогда в Господе зрима Троичность: само Божественное, называемое Отцом, Божественное Человеческое, называемое Сыном, и Божественное Исходящее, называемое Духом Святым.

291. Так как в Господе находится все Божественное, то Он имеет всю власть на небесах и на земле; о чем Он и Сам говорит у Иоанна: "Отец все дал в руки Сына" (111. 35). У него же: "Отец дал Сыну власть над всякой плотью" (XV11.2). У Матвея: "Все предано Мне Отцом Моим" (X1. 27). У него же: "Дана Мне всякая власть на небе и на земле" (XXV111. 18). Такая власть - Божественна.

292. Делавшие Человеческое Господа подобным человеческому других людей, не думают о зачатии Его из Самого Божественного, и не думают о том, что тело каждого человека есть образ его души. Они не думают также о воскресении Господа со всем телом, ни о том, каким образом Он явился в Своем Преображении, когда Его лице просияло как солнце. Они не думают о том, что Господь говорил о вере в Него, о Его единстве с Отцом, о Своем прославлении и о власти Его над небом и землей, и о том, что все это Божественно и сказано о Его Человеческом. Также они не вспоминают о том, что Господь вездесущ также и по отношению к Своему Человеческому (Матв. XXV111,20.), несмотря на то, что отсюда происходит наша вера в Его вездесущие в Таинстве Причащения, при чем вездесущие - Божественно. И, может быть, они не думают о том, что Божественное, которое называется Духом Святым, исходит из Его Человеческого, несмотря на то, что оно исходит из Его прославленного Человеческого, ибо сказано: "Ибо еще не было Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен" (Иоанн. V11, 39.).

293. Господь пришел в мир, чтобы спасти род человеческий, который иначе погиб бы вечной смертью; и Он спас его чрез покорение адских

сил, которые нападали на всякого человека, приходящего в мир и выходящего из него; и вместе с тем, чрез прославление своего Человеческого, Он может удерживать адские силы в вечном покорении. Покорение адских сил и, вместе, прославление Его Человеческого были достигнуты посредством искушений, допущенных в человеческое, которое Он имел от матери, и чрез непрестанные победы в них. Страдание Его на кресте было последним искушением и полной победой.

294. Что Господь покорил адские силы, этому Он учит Сам у Иоанна. Когда наступало крестное страдание, тогда Иисус сказал: "Ныне суд миру сему, ныне Князь мира сего изгнан будет вон" (XII. 31). У него же: "Мужайтесь, Я победил мир. (XVI.33); и у Исаии: "Кто это идет от Эдома... выступающий в полноте силы Своей..., сильный спасать? Спасение доставила Мне мышца Моя..., и Он был для них Спасителем" (LXIII.1 до 19. LIX 16 - 21). О том, что Он прославил свое Человеческое, и что крестное страдание было последним искушением и полною победою, чрез которую Он прославился, сему учит Он также у Иоанна: "Когда Иуда вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий... и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его" (XIII. 31. 32). У него же: "Отче, пришел час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя" (XVII.1. 5). У него же: "Душа Моя теперь возмутилась... Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю" (XII. 27,28). И у Луки: "Не так ли надлежало пострадать Христу, и войти в славу Свою" (XXIV. 26). Это сказано о страдании Его; прославить - значит сделать Божественным. Из этого теперь ясно, что если бы Господь не пришел в мир и не сделался человеком, и таким образом не освободил от ада всех верующих в Него, и любящих Его, то никакой смертный не мог бы быть спасен; итак, следует понять, что без Господа нет спасения.

295. Когда Господь вполне прославил Свое Человеческое, тогда Он совлек с Себя человеческое от матери и облекся в Человеческое от Отца, которое есть Божественное Человеческое, благодаря этому Он перестал быть Сыном Марии.

296. Знать и признавать своего Бога есть первое и существенное Церкви; ибо без сего знания и признания не может быть связи, поэтому в Церкви не может быть связи без признания Господа. Сему учит Господь у Иоанна: "Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына, не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем" (III.36); и еще в другом месте: "Если не уверуете, что это Я есмь, то умрете во грехах ваших" (VIII. 24).

297. Что Троичность находится в Господе, то есть, само Божественное, Божественное Человеческое и Божественное Исходящее, есть тайна,

проистекающая с неба и открытая для тех, которые будут находиться в Святом Иерусалиме.

О правлении Церковном и гражданском.

311. Два рода предметов должны находиться в порядке у человека, а именно: те, которые относятся к небу, и те, которые относятся к миру; относящиеся к небу, называются церковными, а относящиеся к миру, - гражданскими.

312. Порядок в мире не может быть сохранен без начальствующих, обязанных наблюдать за всем тем, что делается согласно порядку, и всем тем, что противно порядку; и награждать живущих согласно порядку, и наказывать живущих несогласно с порядком. Если бы этого не было, то род человеческий погиб бы; потому что всякому человеку прирождено желание повелевать над другими и обладать добром других; отсюда проистекают: вражда, зависть, ненависть, мстительность, коварство, жестокость и многое другое зло; поэтому, если бы люди не были удерживаемы узами законов, посредством наград для делающих добро сообразно их любви к почестям и богатству, и наказаний для делающих зло, которые противоположны их любви, и состоят в лишении почестей, имущества и жизни, то род человеческий погиб бы.

313. Итак, должны быть начальники, необходимые для содержания в порядке человеческих обществ, начальники, сведущие в законах, мудрые и богобоязненные. Также между начальствующими должен существовать порядок, дабы кто-нибудь из них, по своему произволу, или неведению, не допустил зла, противного порядку, и таким образом не расстроил его. Это предотвращается учреждением начальников высших и низших, между которыми существует подчинение.

314. Начальники над тем, что относится к небу, или над тем, что относится к церковным предметам, называются священниками, а их обязанность - священством. Начальники же над тем, что относится к миру, или гражданским делам, называются правителями, а высший из них там, где учрежден такой род правления, называется царем.

315. Что касается священников, то они должны учить людей пути, который ведет к небу, а также руководить ими; они должны учить согласно учению своей Церкви из Слова, и руководить ими так, чтобы они жили согласно ему. Священники, которые учат истинному и, чрез то, ведут к добру жизни, и, таким образом, к Господу, суть добрые пастыри овцам; те же, которые учат, но не ведут к добру жизни, и, таким образом, к Господу, суть пастыри злые.

316. Священники не должны присваивать себе никакой власти над душами людей, ибо они не знают, в каком состоянии находится внутреннее человека. Еще менее должны они присваивать себе власти отверзать и заключать небо; ибо эта власть принадлежит одному Господу.

317. Священникам надлежит оказывать уважение и честь ради святости сана, ими носимого: но мудрые из них воздают честь Господу, от которого истекает святость, а не себе. Те же, которые не мудры, приписывают себе честь и отнимают ее у Господа. Те, которые себе приписывают честь, по причине святости служения ими отправляемого, предпочитают честь и корысть спасению душ, о которых они должны заботиться; те же, которые воздают честь Господу, а не себе, предпочитают спасение душ, чести и корысти. Никакая честь, принадлежащая какой-либо должности, не находится в лице, но прилагается к нему по достоинству предмета, которым он правит; а то, что прилагается, не принадлежит самому лицу и отделяется вместе с должностью. Личная честь состоит в чести мудрости и страхе Господнем.

318. Священники должны учить народ и, посредством истинного, вести его к добру жизни, но они никого не должны принуждать, ибо никто не может быть принуждаем верить вопреки тому, что он в сердце своем считает истинным. Кто верует иначе, нежели священник, и не производит беспорядка, должен быть оставлен в покое; кто же производит беспорядок, тот должен быть отлучен, потому что это также относится к порядку, ради которого учреждено священство.

319. Как священники поставлены для того, чтобы править принадлежащим Божественному закону и богослужению, так точно цари и правители поставлены для управления тем, что относится к гражданскому закону и суду.

320. Так как царь один не может управлять всем, то он имеет ему подвластных начальников, из коих каждому дается в управление область, которою сам царь управлять не может и не в состоянии. Эти начальники, совокупно взятые, образуют царскую власть, сам же царь есть верховнейший из них.

321. Царская власть не находится в лице, но прилагается к нему. Царь, который думает, что царская власть находится в нем, или правитель, который думает, что честь управления находится в нем, не мудры.

322. Царская власть заключается в служении, согласно законам страны, и суде, согласно им, из правосудия. Царь, ставящий законы над собой, - мудр; тот же, который ставит себя над законами, - не мудр. Царь,

ставящий законы над собой, видит царскую власть в законе и закон правит им; ибо он знает, что закон правосуден, и что все истинное правосудие - Божественно. Тот же, который ставит себя над законом, переносит царскую власть на себя и считает себя самого законом, или закон, который есть правосудие, происходящим из себя: итак, приписывает себе Божественное, которому, однако, он сам должен быть подчинен.

323. Закон, который есть правосудие, должен быть составлен в государстве мудрыми и богобоязненными знатоками законов, и как царь, так и его подчиненные, должны жить согласно ему. Царь, который живет согласно такому закону и этим показывает пример своим подданным, есть истинно царь.

324. Царь, которому принадлежит абсолютная власть, и который полагает, что его подданные суть рабы и что он имеет право на их имущество и жизнь, если он пользуется этим правом, не есть царь, но тиран.

325. Царю следует подчиняться согласно законам страны, и никоим образом, ни делом, ни словом, нельзя его оскорблять; ибо от этого зависит общественная безопасность.

Информация с сайта <http://helicon.i-connect.ru>

E-mail: info@helicon.i-connect.ru